

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

МЕСТО

ПОД

СОЛНЦЕМ

Один из лучших,
если не самый лучший
современный писатель
криминального жанра.

Daily Mail

«Королева
скандинавского
криминального
романа».

*Хеннинг
Манкель*

Продано более

15 000 000 экземпляров,
переведено на 30 языков мира

ЛИЗА МАРКЛУНД

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Анника Бенгтзон

Лиза Марклунд

Место под солнцем

«Центрполиграф»

2008

Марклунд Л.

Место под солнцем / Л. Марклунд — «Центрполиграф»,
2008 — (Анника Бенгтзон)

Журналист Анника Бенгтзон из Стокгольма, с присущими ей энтузиазмом и въедливостью, приступает к расследованию трагедии, произошедшей на испанском побережье: шведская семья отравлена газом в собственном доме в Марбелье. Анника отправляется на Коста-дель-Соль и на месте убеждается, что истребление семьи бывшего игрока сборной НХЛ было преднамеренным групповым убийством. К счастью, старшая дочь Себастиана Сёдерстрёма жива, в ту страшную ночь ее не было дома. Понимая, что Сюжете грозит смертельная опасность, Анника пытается разыскать и предупредить девочку. Поиски приводят журналистку в Марокко, на закрытую ферму богатых и влиятельных производителей наркотиков. Чтобы понять замысел преступников и предотвратить новые смерти, Анника должна разгадать тайну, что не одно десятилетие связывала Девочку-тролля, Принцессу и Ангела...

© Марклунд Л., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Лиза Марклунд

Место под солнцем

Liza Marklund

EN PLATS I SOLEN
roman

Published by agreement with Salomonsson Agency

Copyright © Liza Marklund 2008

Художественное оформление Е.Ю. Шурлаповой

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Часть первая

После Нового года

Новая Андалусия. 3 часа 14 минут утра

Ночь была непроглядно темна. Краем глаза она угадывала купы апельсиновых деревьев, растущих вдоль улицы. Из мусорного контейнера торчали три лохматых кошачьих головы, глаза животных отражали свет звезд, что придавало кошкам призрачный вид.

Дождь прекратился, но асфальт был еще мокрым и блестел в свете редких уличных фонарей. Она прижалась к обочине, прислушалась к плеску воды под колесами и треску цикад в кронах пальм. От стекла тянуло влажным прохладным сквозняком.

Стояла невообразимая тишина.

Притормозив, она остановилась на перекрестке. Где поворачивать налево – здесь или на следующей улице? Судорожно вцепилась в руль обеими руками. Какая беспорядочная застройка, дома возводились без разрешения и без градостроительных планов, и, соответственно, нет никаких карт этого района. Эти новые районы отсутствуют даже на Google Earth.

Нет, все-таки это здесь. Она заметила золотые шары на воротах справа. В темноте все всегда выглядит не так, как при свете.

Включила левый поворот, чтобы водитель следовавшего сзади грузовика видел, куда им надо ехать. Обе машины включили ближний свет, двигаться иначе по этим никудышным улицам было просто невозможно. Конечно, автомобиль с притушенными фарами привлекает меньше внимания, чем машина, светящая прожекторами. Она с трудом объехала большую выбоину посреди дороги и, посмотрев в зеркало заднего вида, убедилась, что водитель второй машины сделал то же самое.

Свет фар автомобилей выхватывал из темноты ворота. Им нужны были кованые железные ворота с двумя бетонными львами по обеим сторонам. Она облегченно расслабила плечи и быстро набрала код на столбе перед одним из львов. Створки ворот дрогнули и разошлись. Она подняла голову и взглянула в ночное небо.

Тучи пришли из Африки после полудня и плотным слоем обложили все побережье. Где-то за облаками осталась полная луна. Ветер заметно посвежел, но она все же надеялась, что они закончат до того, как облака начнут рассеиваться.

Улицы внутри района были, в отличие от подъездных дорог, ровными и гладкими, как пол танцевального зала, с аккуратными цветными тротуарами и металлическими изгородями. Она проехала мимо трех боковых дорог, а затем повернула направо и съехала с невысокого холма.

Вилла находилась по левую сторону дороги; на юг от здания тянулись террасы и бассейн.

Она проехала мимо дома с десятков метров и припарковала машину у тротуара возле заброшенного участка и принялась терпеливо ждать, пока за ней подъедет шофер грузовика.

Потом она взяла из машины портфель, заперла дверь, подошла к грузовику и забралась в кабину.

У мужчины за рулем был озабоченный вид; на лбу проступали капли пота.

Женщина надела резиновые перчатки, достала шприц и прикрепила к нему иглу.

– Наклонись вперед, – сказала она.

Мужчина застонал и привалился толстым животом к рулю.

Женщина не стала тратить время на обработку кожи на его заднице, а просто быстро воткнула иглу в мышцу почти на всю длину и впрыснула жидкость.

– Вот и все, – сказала она и выдернула иглу. – Сейчас тебе станет легче.

Она пододвинулась, чтобы толстяк смог вылезти из машины, и села за руль.

– Это лучше, чем противогаз? – спросил второй мужчина, сидевший на пассажирском месте, с подозрением глядя на шприц в руке женщины. Он неплохо говорил по-испански, но ведь румынский язык тоже родня латинскому.

– Да, это надежно. Сейчас я тебя уколою, – сказала она.

Он расстегнул ремень, взялся за руль, наклонился вперед, чтобы она смогла достать до его ягодиц.

– Жжется, – сказал он.

– Ты как ребенок, – укорила она.

Потом задрала юбку и последний шприц вколола себе в бедро.

– Так тебе нужен только сейф? – спросил он.

Она улыбнулась, склонилась к портфелю, достала две литровые бутылки «Сан-Мигеля» и поставила их на панель между местом водителя и пассажирским сиденьем.

– Только сейф, – сказала она. – Все остальное ваше. Прошу!

Водитель посмотрел на две пивные бутылки и рассмеялся.

Толстяк уже вытащил из машины инструменты и шланги и сложил их у входа.

– Ты гарантируешь, что они от этого отрубятся? – спросил он с сомнением в голосе. – Похоже, этими штуками никогда не пользовались.

Женщина посмотрела на дом. Среди туч начала проступать луна. Надо было спешить.

Она торопливо набрала код, индикатор загорелся зеленым цветом, и замок с щелчком открылся.

– О да, – ответила она. – Они с гарантией вырубятся.

Принцесса в заоблачном дворце

Свет был абсолютно бел. Он пронизывал все комнаты с круглыми сияющими коронами, бахромчатыми кистями, оленьими рогами; она явственно слышала, как он что-то шептал и посмеивался под стропилами кровли.

Как же легко там дышалось!

В самом деле, воздух был так прозрачен и чист, что она казалась себе перышком, бесшумным голубым перышком, носящимся в сияющих лучах белого света между гобеленами с охотничьими мотивами.

Я сказала, что она была тихой и бесшумной, разве не так?

О, она и в самом деле была такой тихой, такой бесшумной, что совершенно не мешала фюреру.

В замке над облаками все люди говорили тихо и почтительно; толстые ковры на полах и каменных лестницах скрадывали шепот и давали надежное убежище.

Любимым ее местом был *Halle*, зал, огромный, как целое море, с окнами, смотревшими на облака и заснеженные горные вершины.

Она любила танцевать в *Halle*, разумеется, тихо и только босиком, а скульптуры, столы и куклы исполняли роль восторженной публики. Платье из тонкой материи развевалось от движения; она скакала и вертелась, пока голова ее не начинала кружиться от счастья и танца. Она возносилась ввысь – принцесса в заоблачном дворце. Она танцевала для коней и мертвых оленей, для изящной потолочной лепнины. Нанна всякий раз пыталась ее остановить, но куда там, она не обращала на Нанну никакого внимания. Нанна была жалкой замарашкой, *деревенщина*, и не имела никакого права указывать, что могла или не могла делать она, *принцесса заоблачного дворца*.

Однажды, танцуя, она наткнулась на самого фюрера.

Нанна прыгала рядом и плакала, повторяя, что она просила не баловаться эту глупую девочку, которая, как козочка, могла своевольно часами танцевать в *Halle*, но фюрер не рассердился, ни капельки не рассердился.

Он лишь поймал ее длинными руками, наклонился и положил ладони ей на плечи. У него были синие глаза с покрасневшими веками, но принцесса не смотрела на его глаза, она не могла оторвать взгляд от волос, росших из его носа.

Она знала, что вела себя плохо.

Как рассердится мама!

Это Нанна виновата во всем!

– Ты моя маленькая истинная арийка, – сказал фюрер и погладил ее по золотистым локонам, а она ощутила исходящую от него силу – такую, о какой папа рассказывал маме.

Она сказала:

– Значит, я благословлена?

Он отпустил ее, выпрямился и направился к себе, а за ним, виляя хвостом, побежала Блонди. Это был первый и последний раз, когда она видела фюрера.

Понятно, что она не все время жила во дворце за облаками.

В Оберзальцберге она с папой и мамой жила внизу, в гостинице «У турка», вместе с другими офицерскими семьями, с турками, как называла их мама. «Почему мы должны ютиться с какими-то турками, а Геббельсы тем временем живут в Бергхофе?»

Мама часто говорила о квартире на Фридрихштрассе, которую вдребезги разбомбили проклятые союзники.

– Настало время, чтобы хоть кто-то из нас проявил благоразумие, – говорила она, бросая на папу злой взгляд, потому что папа не желал эвакуироваться, ибо это означало обмануть и предать фюрера, изменить ему, но мама настаивала, и в конце концов они собрали все вещи, погрузили их в поезд и поехали в Адлерхорст.

Когда к городу подошли русские, мама заказала партийную машину и отправила принцессу и Нанну с тремя чемоданами кукол и платьев в Харвестехудер-Вег.

Принцесса не желала уезжать, уж очень хотелось ей остаться в Адлерхорсте и ездить во дворец.

Но мама повесила ей на шею бирку с именем, коротко и жарко попрощалась и запечатлела на щеке дочери прощальный мокрый поцелуй, который принцесса тотчас вытерла. Дверь с грохотом захлопнулась, и машина тронулась с места.

Они безостановочно ехали до Харвестехудер-Вега.

Потом остановились близ какого-то городка, название которого выпало из ее памяти. Солдаты унесли чемоданы и увели в лес Нанну, где шофер выстрелил ей в голову, и кровь из раны брызнула на пальто принцессы.

Когда она добралась до Гудагордена, при ней остались только платье, пальто и кукла Анна.

По бирке, которая висела у нее на шее, люди узнали адрес дяди Гуннара и тети Хельги: «Гудагорден, Сёрмлан, Швеция», и благодаря этому принцесса вскоре оказалась под опекой родственников.

Сама я этого не помню, но мне рассказали.

Рассказали, как дядя Гуннар сложил богатую детскую одежду и куклу на площадке в саду, облил керосином и поджег, словно принося жертву.

– Грешник должен гореть в преисподней, – должно быть, сказал он, и, вероятно, был прав.

Газетное телеграфное бюро, 9 часов 13 минут

СРОЧНО!

Государственный обвинитель требует пересмотра приговора, связанного с тройным убийством.

Стокгольм (ГТБ). Государственный обвинитель (ГО) Лилиан Бергквист, как стало известно телеграфному бюро, выступила в понедельник с требованием пересмотреть приговор по делу так называемого Дровосека, финансиста Филиппа Андерссона.

Филипп Андерссон приговорен к пожизненному тюремному заключению за тройное убийство в Сёдермальме (Стокгольм). Все это время он утверждал, что невиновен.

В декабре прошлого года, когда умерла настоящая убийца, Филипп Андерссон смог наконец рассказать правду, говорит его адвокат Свен-Ёран Олин. Убийцей была сестра Филиппа Ивонна Нордин, совершившая это преступление.

Долгих четыре года Филипп Андерссон провел в заключении по приговору суда первой инстанции и по решению апелляционного суда, приговоривших его к высшей мере наказания за убийство трех человек, угрозы, шантаж, а также за преступление, связанное с нарушением общественного порядка. Все жертвы – двое мужчин и одна женщина – были, кроме того, искалечены в результате преступления.

Улики, предъявленные Филиппу Андерссону, были явно недостаточными уже во время первого судебного процесса. Андерссон был осужден на основании таких доказательств, как следы ДНК одной из жертв на штанине его брюк, отпечатки его пальцев на оружии преступления и невыплаченный долг.

Письмо государственного обвинителя в Верховный суд представляет собой резюме обвинительного заключения, которое следует рассмотреть прокурорам.

(Продолжение следует)

© Газетное телеграфное бюро или автор статьи.

Понедельник. 3 января

Анника Бенгтзон заглянула в полуоткрытую стеклянную дверь кабинета главного редактора и постучала по деревянному косяку. Андерс Шюман стоял спиной к ней и сортировал

стопки бумаг, разложенных на письменном столе и на полу. Услышав стук, он обернулся, увидел вопросительное выражение лица Анники и жестом указал ей на стул для посетителей.

– Закрой дверь и садись, – сказал он, обошел стол и уселся на свой стул, жалобно скрипнувший под его тяжестью.

Анника закрыла раздвижную дверь, покосилась на груды бумаг на полу, чтобы ненароком на них не наступить, и заметила нечто, выглядевшее как топографический план редакции.

– Никак мы снова собираемся перестраиваться, – сказала она и села.

– Хочу задать тебе один вопрос, – сказал Шюман. – Как ты видишь свое будущее в газете?

Анника подняла голову и посмотрела в глаза шеф-редактору:

– А в чем дело?

– Сразу перехожу к сути дела. Ты хочешь стать заведующей редакцией?

Аннике стало трудно дышать, она открыла, потом снова закрыла рот и посмотрела на сложенные на коленях руки.

– Ты будешь отвечать за новостной раздел, за освещение событий за сутки, – продолжал Шюман. – Пять дней работаешь, пять дней выходных. Задача – согласование освещения спортивных событий и развлечений с передовицами, обсуждениями и новостями. За тобой будет решение относительно того, какую новость следует помещать на первой полосе. Споры с другими подразделениями будешь решать совместно с руководителями групп. Никаких сетей и прочей ерунды. Будешь присутствовать на встречах руководства и решать вопросы бюджета и рыночной стратегии. Я бы хотел, чтобы ты приступила к работе как можно скорее.

Она откашлялась, но говорить не смогла. Слова застревали у нее в горле.

Работа заведующего редакцией – это большая и тяжелая ответственность. Это фактически второй человек в газете после главного редактора, руководящий всеми подразделениями. Она должна будет направлять работу руководителей новостных, развлекательных и спортивных отделов и прочих мелких начальников с большими связями и амбициями.

– Я хочу провести реорганизацию, – тихо произнес Шюман, не дождавшись ответа Анники. – Мне нужны люди, на которых я могу положиться.

Анника продолжала упорно рассматривать свои руки. Голос Шюмана проплывал над ее головой, отражался от стен и гулко отдавался в затылке.

– Ты заинтересована?

– Нет, – ответила Анника.

– Я удвою твою зарплату.

Она подняла голову.

– Я уже прошла искушение большими деньгами. Оказалось, что с ними не так хорошо, как многие говорят.

Главный редактор встал и подошел к двери. Кабинет был настолько тесным, что Шюман едва протиснулся мимо колена сидевшей на стуле Анники.

– Весь последний год нам угрожало банкротство, – сказал он. – Ты знала об этом?

Он через плечо бросил взгляд на Аннику, чтобы проследить за ее реакцией. Реакции не было. Она лишь принялась крутить на левом указательном пальце бабушкин перстень с изумрудом. Шрам под кольцом был красным и набухшим. На морозе он начинал темнеть и ныть.

– Нам удалось переломить ситуацию, – говорил Шюман о редакции, находящейся за стеклами раздвижной двери его кабинета. – Я уверен, что так будет и впредь, но я не знаю, как долго еще удержусь в этом кресле.

Он обернулся и посмотрел Аннике в глаза. Она отвела взгляд и выглянула за дверь.

– Я не хочу выполнять твою работу, – сказала она.

– Я предлагаю тебе делать не мою работу, а работу заведующего редакцией.

– Может быть, стоит предложить эту должность Берит? Она, несомненно, справится.

– Кто тебе сказал, что она жаждет получить эту должность?

– Ну, тогда Янссон или Спикен?

Шюман присел на край стола и тяжело вздохнул.

– Мне нужны не добровольцы, – сказал он. – Мне нужен умный, рассудительный человек.

Анника невольно рассмеялась:

– И ты просишь об этом меня? Это говорит о явном снижении требований к квалификации сотрудников.

– Альтернатива такова: ты будешь работать по жесткой схеме. Сидеть за столом, звонить по нужным телефонам и выполнять все распоряжения завреда.

Анника вдруг почувствовала, на каком неудобном стуле она сидит, и выпрямилась, чтобы не нажать боль в спине.

– И еще придется разбираться с претензиями по поводу закона о правах работников? – спросила она.

– Профсоюзные споры – не проблема, поверь мне.

– Заставить меня протирать штаны за столом – это чистейшая глупость. Ты же прекрасно знаешь, что я работаю лучше всего, когда меня никто не опекает.

Шюман наклонился к Аннике, но она упорно буравила взглядом его колено.

– Анника, проблемы, которые мы решали начиная с осени, никуда не делись. У нас нет средств на содержание специальных корреспондентов. Дело кончится тем, что ты будешь в непосредственном подчинении у Патрика.

От неожиданности Анника вздрогнула и, подняв голову, посмотрела Шюману в глаза.

– Ты шутишь.

Он сложил руки на груди.

– Эта система вступит в силу на днях. В качестве заведующей редакцией ты станешь его непосредственным начальником. Будешь его направлять на путь истинный. Если же ты останешься просто корреспондентом, то направлять все твои действия станет он, а ты будешь его слушаться.

– Помнится, именно я устроила его сюда на работу, – сказала Анника. – Я не могу быть его подчиненной. К тому же если рассуждать здраво, то Патрик – это последний кандидат...

– Люди, умеющие рассуждать, должны занимать ключевые посты в любой организации. Что же касается шефа отдела новостей, то здесь пригодится энтузиазм Патрика, его неумный интерес и способность к действию.

Анника почесала затылок и представила себе усеченную редакцию криминальных новостей, Патрика, уткнувшегося носом в монитор и стучащего по клавиатуре, уперев локти в бедра. Она вспомнила, как ему единственному удалось получить у премьер-министра комментарии по поводу отставки министра продовольствия, когда все говорили ему: «Парень, ты в своем уме?» Патрик гонялся за премьером по всему правительственному кварталу Стокгольма, но в редакцию вернулся победителем и уселся строчить репортаж.

– Да, если тебе нужен энергичный энтузиаст, то лучше Патрика не найдешь никого.

– Ты будешь работать в дневную смену с понедельника до пятницы, а потом отдыхать. Никаких сверхурочных, никакой нервотрепки. У нас есть редакции по стране, поэтому ты сможешь ездить заниматься непосредственной работой куда угодно, в том числе и за границу. Запланированную серию статей Патрика о «Кокаиновом Береге» можешь, например, взять на себя. Ты сможешь заняться новостями, а Патрик займется твоей рутинной.

– То есть на меня ляжет и вся писанина? – сказала Анника. – Не получится ли для Патрика отличное алиби, чтобы он мог купаться и загорать?

– Ты ошибаешься. Серия о «Кокаиновом Береге» – это исключительная серия, это инициатива руководства газеты. Мы установили тесный контакт с пресс-центром полиции и с мини-

стерством юстиции, чтобы иметь доступ к уникальной информации. Так мы и осуществляем эту работу.

– Что будет с дневными корреспондентами? – спросила Анника и посмотрела на рабочее место Шюмана, заставленное компьютерами, курткой, сумками и бумагами.

– Они будут работать в отделе оформления номера, – ответил Шюман и ткнул пальцем в план, лежавший на полу. – Отдел криминальной хроники будет преобразован в редакцию обсуждений.

Анника встала и, не оборачиваясь, покинула стеклянную клетку главного редактора.

Ей было абсолютно все равно, на каком стуле она будет сидеть или какую статью писать. Муж оставил ее, и теперь дети проводили с ним столько же времени, сколько и с ней. Ее дом сгорел дотла, а страховые деньги оказались заблокированными. Сейчас она жила в трехкомнатной квартире в доме полиции на Агнегатан по устному распоряжению комиссара К., то есть на весьма сомнительном основании, и ее в любой момент могли оттуда попросить.

Она подхватила свои сумки и, покачиваясь под их тяжестью, отправилась по коридору в тесноту новостной редакции. Компьютеры занимали на столах все свободные места, и Аннике пришлось бросить одежду и сумки на пол рядом с рабочим столом. Усевшись в кресло, Анника подняла его выше, проверила соединение с Интернетом и написала письмо на почту комиссара К.: «Я переехала на новую квартиру, но пока не видела даже намека на контракт; поэтому извещаю, что намерена обосноваться на кошачьей ярмарке».

Это должно заставить его задуматься.

Потом она вытащила из кармана один из телефонов, набрала номер министерства и попросила соединить ее с пресс-секретарем министра юстиции, женщиной известной громким, пронзительным голосом.

Анника представилась и сказала, где работает.

– Мне хотелось бы получить комментарий министра относительно выдачи американской профессиональной убийцы по прозвищу Кошечка, – сказала она.

– Зачем вам нужны эти сведения? – спросила пресс-секретарь.

– Я знаю, что она была обменена на убийцу полицейского Виктора Габриэльссона, который содержался в одной из тюрем Нью-Джерси. Я хочу знать, зачем и как это сделано.

– Министр не дает комментариев по вопросам, касающимся государственной безопасности. – Пресс-секретарь заговорила механическим, равнодушным, как у робота, тоном.

– При чем здесь государственная безопасность? – возразила Анника. – Я просто хочу знать, что вы сделали с Кошечкой.

– Как я смогу с вами связаться?

Анника монотонно продиктовала номер мобильного и прямого телефона, по которым ей можно было дозвониться. Так, с этим покончено. Она нажала отбой и тотчас набрала номер коллеги Берит Хамрин. Берит ответила сразу.

– Ты уже деградировала? – спросила Анника.

– Под руководством Патрика, – беспощадно уточнила Берит.

В трубке слышался гул машин.

– Ты где?

– Еду по E18.

В этот момент Анника увидела Патрика, идущего по коридору к редакции новостей с пачкой бумаг в правой руке и с трубкой во рту.

– Босс идет сюда, – тихо произнесла она. – Будет что-то интересное.

Анника закончила разговор, когда Патрик уселся за ее письменный стол. Она быстро отодвинула в сторону компьютер.

– Ну, черти натворили дел, – сказал новоиспеченный заведующий отделом новостей и пролистал принесенные распечатки. – Квартирный пожар в Халлунде, удушение газом целой

семьи на испанском курорте и крушение автобуса в Дании. Начнем с автобуса, посмотрим, нет ли среди пострадавших шведов. Такая неприятность может случиться, потому что сейчас как раз группа шведских школьников возвращается домой с экскурсии в Тиволи.

– Лилиан Бергквист требует пересмотра приговора Филиппу Андерссону, – сказала Анника и включила компьютер, стоявший на коленях Патрика.

– Это уже старо, – ответил Патрик. – Мы это сделали намного раньше ее, когда раскрыли, что настоящая убийца – его сестра. Берит должна написать статью по этому поводу.

«Когда я раскрыла имя настоящего убийцы», – подумала Анника, но ничего не сказала.

– Убийство газом выглядит тошнотворно, – продолжил Патрик, роясь в листках распечаток. – Погибла вся семья, включая собаку. Подумай, что можно из этого сделать так, чтобы было читабельно. Надо обязательно указать кличку и возраст собаки. Люди интересуются Испанией. Эта страна настоящее место паломничества шведов.

– У нас там никого нет? – спросила Анника и вспомнила интервью, которое брала у загорелого человека с суровой улыбкой.

– Он уехал домой в Тернабю на Рождество. Пожар в Халлунде – материал холодный. Там, кажется, почти всех эвакуировали, так что мы не сможем дать фотографию тетушки Хедвиги, сидящей на пепелище на складном стульчике, или добавить чего-нибудь хорошего в эту смесь.

– Хорошо, – сказала Анника и подумала, что Патрик совершенствует свой словарь.

«Чего-нибудь хорошего в эту смесь». Господи помилуй.

– Есть еще пара вещей, о которых можно было бы подумать, – сказала она, стараясь говорить спокойно и непринужденно. – У меня есть данные о том, что правительство замешано в странное дело с выдачей преступницы, и в два часа у меня встреча с одной женщиной, которая, вероятно, сможет дать интервью...

Но Патрик уже сорвался с места и шел в отдел тематических статей.

Она долго смотрела ему вслед и решила не кипятиться. Если он не считает нужным слушать своих, гм, подчиненных, то это его проблема.

Анника откинулась на спинку стула и оглядела редакцию.

Да, практически это единственный ее шанс.

Шюман велел ей прийти завтра в восемь часов утра. Он снова будет уговаривать ее принять какой-то руководящий пост. Он делал ей подобные предложения уже несколько лет, но тогда все это выглядело как-то иначе. Такие должности, как шеф отдела новостей или выпускающий редактор, он пытался навязать ей и раньше, должность начальника отдела криминальной хроники она некоторое время занимала, но никогда прежде он не предлагал ей стать заведующей редакцией.

Так, так. Она вздохнула. Значит, если все сложится, как он сказал, то она будет работать пять дней, а пять дней будет свободна. Получается, пост она будет с кем-то делить, скорее всего, с Шёландером. Значит, не одна она будет отвечать за все ляпы и глупости, которые неизбежны в работе с новостями, ей придется проводить бесконечные встречи по финансовым и бюджетным вопросам, заниматься рыночным планированием и решать персональные дела.

Лучше заняться пожаром в Халлунде, подумала она и по прямому номеру позвонила шефу отдела экстренной помощи.

Причина пожара – курение в постели. Жертва одна – льготный пенсионер. Огонь потушен. Было сильное задымление. Эвакуации жильцов дома не производилось.

– Кто погиб? – спросила Анника.

Шеф принялся рыться в бумагах.

– Квартира принадлежала... сейчас, одну секунду... фамилия погибшего Йонссон... ничем не знаменит.

Если не знаменитость, то никого эта история не заинтересует.

Она положила трубку.

Катастрофа с автобусом действительно коснулась группы детей, но это был не школьный класс, а команда, ехавшая на спортивный турнир в Аальборг. Автобус занесло на повороте, и он упал на бок в канаву. Дети выбрались из автобуса через кабину водителя. Происшествие имело место на дороге в Юлланд.

Анника послала электронное письмо в редакцию иллюстраций и попросила их подобрать какие-нибудь страшные фотографии исцарапанных детишек. Большого, чем фотографии с подписью, эта история не заслуживала.

Газовое убийство в Испании стоило того, чтобы с ним помучиться.

У Патрика была распечатка телеграммы, полученной от ГТБ. В сообщении были три строки, в которых значилось, что семья с двумя детьми погибла, предположительно надышавшись какого-то газа.

Она начала искать в Сети сайт единственной испанской газеты, название которой знала, – *El Pais*.

Она, прищурившись, взгляделась в дисплей, начав кое-что понимать. Два года испанского языка в гимназии – это, конечно, не бог весть что, но в газетных заголовках, к счастью, речь редко идет о расщеплении атомного ядра. Испания была европейской страной, занимающей первое место по числу погибших на дорогах пешеходов – 680 человек за прошлый год.

Анника убрала статью и принялась искать дальше. Она стала искать что-либо вроде «Целая семья погибла в Коста-дель-Соль» или что-то в этом роде.

Ничего!

Хотя *El Pais* была общенациональной газетой, ее главная редакция, вероятно, располагалась в Мадриде и мало интересовалась событиями, происходившими где-то близко к Африке.

Но погибшая от воздействия газа семья должна же была удостоиться внимания хотя бы в Сети?

Анника пошла к автомату и налила себе кофе в пластиковый стакан. Каждый удар по клавише отдавался в левом указательном пальце жгучей болью. Это было даже смешно, каким чувствительным может быть палец к пустяковому порезу.

Она вошла в Гугл и задумалась. Вдыхание газа? Такого словосочетания она прежде никогда не слышала. Но как называется, когда накидывают на голову пакет и дышат газом?

Она набрала «употребление газа» и не получила ни одного ответа.

Может, возникло какое-то недоразумение с переводом? Может быть, телеграфное бюро просто ошиблось?

Анника осторожно подула на кофе и сделала глоток. Как ни парадоксально, но кофе оказался крепче, чем дома.

Она снова вошла в Гугл и набрала «вдыхание газа», и на этот раз ответов было великое множество.

«Шофер уснул под воздействием газа, который он вдохнул», – было сказано в четвертом ответе. Текст принадлежал Шведскому радио и относился к времени праздника принцессы света 2004 года. Несколько ящиков компьютерных мониторов было украдено из грузовика на заправке «Шелл» в Вестра-Ера на шоссе 40 к западу от Йенчепинга. Кража произошла в ночное время. Ни шофер, ни его собака, заснувшие в кабине, не заметили преступления. После пробуждения шофер испытывал головную боль и плохо себя чувствовал. Полиция предполагает, что он был усыплен каким-то газом. Были взяты анализы, чтобы проверить, не сохранились ли в крови следы газа.

Надо смотреть дальше, подумала Анника и заскользила взглядом по экрану.

«Воры отравили собаку газом – в Стокгольме быстро нарастает число взломов вилл», – прочла она. Это была перепечатка статьи из «Метро» недельной давности.

Анника вошла в архив газеты и продолжила свое словотворчество.

«Вор применил газ против туристов – четыре человека уснули в машине. Газ гексан в больших дозах может приводить к самым разнообразным нарушениям» и «Режиссер триллеров ограблен с помощью газа – это было ужасное зрелище».

В статье речь шла об одном шведском режиссере, которого ограбили в собственной квартире на испанском побережье. Он и его подруга проснулись утром и обнаружили, что двери взломаны, а все вещи вынесены.

– О, я вижу, что мы, как рядовые пехотинцы, снова здесь, – сказала Берит и поставила свою сумку рядом с сумкой Анники.

– С Новым годом и все такое, – откликнулась Анника.

– Ну и как твои дела? – спросила Берит, вешая пальто на стул.

Анника положила руку на соседний стол.

– Спасибо, – ответила она. – На самом деле хорошо. Каждый следующий год должен быть лучше предыдущего, ибо ничто другое в принципе невозможно...

Берит поставила свой ноутбук на стол и оглядела редакцию.

– Значит, здесь сегодня ты, да я, да мы с тобой? – задала она риторический вопрос. – Всех остальных рационализировали?

Анника тоже осмотрелась.

Патрик стоял в спортивной редакции и оживленно беседовал с кем-то по мобильному телефону. Несколько сетевых администраторов возились там, где раньше была редакция развлечений, а теперь производили продукцию исключительно для киберпространства. Один редактор из воскресного приложения расхаживал из угла в угол среди мониторов. Туре, дежурный мастер, воплощение недовольства, сонно готовил макеты газетных рубрик для уличной рекламы.

– Газетная война – это обычная война, – сказала Анника. – Начальники передвигают территориальные войска, возводят укрепления и швыряют умные бомбы. Когда Шюман с тобой разговаривал?

Берит Хамрин ткнула пальцем в стакан кофе.

– В пятницу. Скажи, это можно пить?

– Пить нельзя. Мне он звонил утром. Он хочет ввести тебя в руководство?

– Да, шефом отдела новостей, – ответила Берит. – Я сказала спасибо, но, спасибо, нет.

Анника отвернулась к монитору. Ей Шюман предложил более высокую должность.

– Вот, сижу и пытаюсь что-нибудь найти в связи с испанским газовым убийством, – сказала она. – На южном берегу Испании целая семья была насмерть отравлена газом.

Берит тем временем направилась мимо компьютеров к кофейному автомату.

– Позвони Рикарду Мармену, – сказала она, обернувшись. – У меня нет его номера, но он знает обо всем достойном внимания, что происходит на южном берегу Испании.

Анника сняла трубку и набрала отдел международных связей.

Номер был занят.

Пытаясь убить время, она снова зашла в Гугл и, подумав, написала *buscar numero telefono espana*. Правильно ли она написала: искать телефонные номера в Испании?

Первый же ответ содержал «Белые страницы».

Она попала в точку!

На экране появился бланк, и она его заполнила: провинция Малага, имена Рикард Мармен и нажала *encontrar*.

Рикард Мармен жил на Авенидо Рикардо Сориано в Марбелье, и на его имя было зарегистрировано два телефона – стационарный и мобильный.

Пришла Берит с чашкой горячего кофе и села рядом.

– Кто этот Рикард? – спросила Анника, взяв трубку.

– Старый знакомый моего деверя. Он живет там уже двадцать лет, в течение которых пытался заниматься любыми мыслимыми делами – и все неудачно. Он арендовал солнечные батареи, разводил племенных жеребцов, открывал гостиницу и даже стал соучредителем фирмы, продающей сборные домики.

– На юге Испании? – с сомнением спросила Анника.

– Я же сказала, что все его дела были неудачными.

– Какой код Испании?

– Тридцать четыре, – ответила Берит и невольно поморщилась, отхлебнув кофе.

Анника начала с домашнего номера. После пяти гудков электронный голос произнес что-то неразборчивое по-испански, и Анника отключилась. Она набрала мобильный номер, и через две секунды в трубке раздался мужской голос:

– *Si digame!*

– Рикард Мармен?

– *Hablando!*¹

– Э-э, меня зовут Анника Бенгтзон, я звоню из редакции стокгольмской газеты «Квельспрессен». Ты тот Рикард Мармен... Ты говоришь по-шведски?

– Конечно, сердце мое. Чем могу быть полезен?

Он говорил с заметным гётеборгским выговором.

– Я звоню тебе, потому что мне сказали, что ты знаешь обо всем, что творится на южном берегу Испании, – сказала она и метнула взгляд на Берит. – Я хочу знать, известно ли тебе что-нибудь о каком-нибудь отравлении газом в вашем районе.

– О каком-нибудь отравлении газом? Да у нас не существует других отравлений! Все отравления – газовые. Газовая тревога на виллах Новой Андалусии – явление более частое, чем тревога пожарная. Ты хочешь знать что-нибудь еще?

У Анники зашумело в ушах, а стул качнулся под ней; ей показалось, что она стоит на бегущей дорожке.

– Ну хорошо, – сказала она, – что такое вообще газовое отравление?

– Воры напускают в квартиры и дома какой-нибудь вырубавший человека газ – либо через окна, либо через систему воздушного кондиционирования, а когда хозяева засыпают, эти негодяи обыскивают весь дом. Иногда они садятся на кухне и распивают бутылочку-другую хозяйского вина.

– То есть ты утверждаешь, что это самый распространенный тип отравления? – спросила Анника.

– Самая настоящая эпидемия. Наркотики появились здесь пять-шесть лет назад, а газовые нападения начались немного раньше.

– Почему у вас так распространен этот вид грабежа?

– Здесь много денег на руках, голубка. На кухнях под матрацами лежат толстые пачки купюр. Так обстоят дела везде в районе Пуэрто-Бануса. К тому же здесь очень силен криминальный элемент. Полно бедняков, которые сделают все что угодно за сущие копейки. Осенью они объединились с румынскими бандами, которые уже опустошили сотни вилл вдоль всего побережья от Гибралтара до Нерхи...

– Газетное телеграфное бюро сообщило, что в результате отравления газом погибла целая семья, – сказала Анника. – Ты что-нибудь об этом знаешь?

– Когда? Сегодня ночью? Где?

– Не скажу точно, – ответила Анника. – Я знаю только, что умерли все, включая двух детей и собаку.

¹ Говорите! Слушаю! (*исп.*)

Рикард Мармен не ответил. Либо исчерпался лимит трафика, либо возникла неисправность связи.

– Он что-нибудь знает? – спросила Берит.

Анника покачала головой.

– Смерть наступила в результате отравления газом, ты говоришь? – снова зазвучал голос Рикарда. Все дело было в трафике. – Я могу тебе перезвонить?

Анника дала ему прямой номер и номер мобильного телефона.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросила она, положив трубку.

Берит откусила кусок яблока, оставив намерение пить кофе.

– Преступные группировки испанского побережья или какая-то новая организация?

– Новая организация.

Берит надела очки и посмотрела на экран.

– Из этого может получиться нечто очень стоящее, – сказала она. – Для того чтобы этим заняться, мне придется отложить многое другое и потратить куда больше времени, чем мне бы хотелось.

– И что ты делаешь? Пишешь серию статей? Пашешь в саду? Хочешь получить удостоверение водолаза? Осваиваешь латиноамериканские танцы?

– Я пишу мелодии, – ответила Берит, не отрывая внимательного взгляда от монитора.

Анника удивленно воззрилась на коллегу:

– Мелодии? Что за мелодии? Ты сочиняешь поп-музыку?

– Да, шлягеры, помимо прочего. Однажды мы даже послали их на фестиваль мелодий.

Берит оторвала взгляд от экрана. Анника почувствовала, как у нее отвисает челюсть.

– Вот это да! Ты сидишь в «зеленой комнате»? Как это выглядело?

Берит подняла голову.

– Мелодии оцениваются не среди тысячи двухсот лучших. Совсем недавно я слышала одну потрясающую мелодию, сыгранную оркестром в Крамфорсе, в юго-восточном Онгерманланде. Кстати, ты читала протест, поданный Лириан Бергквист в Верховный суд?

– Нет, еще не успела. Что она пишет?

– Ходатайство о пересмотре приговора...

– О, эта мелодия.

Берит сняла очки.

– *Absolutely me*, – сказала она. – Среди прочего, я творчески переработала старый текст: *to be or not to be*. Я работаю в этой газете уже тридцать два года, и если мне повезет, то продолжусь здесь еще лет десять. Мне шестьдесят пять, и я иногда подумываю о пенсии. Я ценю возможность ясно судить о вещах и писать статьи, но какие поручения мне выполнять и на каких стульях сидеть, теперь выбираю сама. – Она окинула Аннику оценивающим взглядом. – Я кажусь тебе желчной или покорной?

Анника глубоко вздохнула:

– Нет. Я чувствую себя точно так же. Дело не в том, что мне скоро на пенсию, нет, но здесь происходит столько неожиданных перемещений, что я скоро начну страдать морской болезнью. Потом останется только *to be or not to be*.

Берит надела очки и снова повернулась к компьютеру.

– Что ты думаешь о шансах Филиппа Андерссона выйти на свободу?

– Ну уж, если государственный обвинитель требует пересмотра, значит, у нее есть для этого веские аргументы, – ответила Анника.

Она перешла на домашнюю страницу генеральной прокуратуры и выбрала нужный документ.

– Ты же видела его в Кумле несколько месяцев назад, – сказала она. – Ты веришь, что он невиновен?

Анника еще раз пробежала глазами письмо генерального прокурора. Она всегда испытывала неприятное чувство, когда читала что-то относящееся к тому убийству. Она в тот вечер находилась в полицейской машине, которая первой прибыла на место преступления, и видела его жертвы.

С тех пор она, копаясь в этом деле, часто сталкивалась с именем Филиппа Андерссона, когда старалась разобраться с убийством полицейской знаменитости Давида Линдхольма. Филипп был приличным преуспевающим финансистом, больше известным по душераздирающим фотографиям, чем по деятельности в «Дагенс индустри». Он прославился по всей Швеции как Сёдерский мясник. К тому же он был другом Давида Линдхольма.

– Убийцей оказалась помешанная сестра Филиппа, – сказала Анника.

Она закрыла домашнюю страницу генерального прокурора.

– Насколько близко ты знаешь Рикарда Мармена?

– Можно сказать, что я его знаю и не знаю, – ответила Берит. – Его знает мой деверь Харальд, с которым Торд имеет обыкновение путешествовать и ловить рыбу и который жил в конце семидесятых в своей квартире близ Фуэн-хирола. Когда дети были еще маленькими, мы ездили туда на неделю каждое лето. Рикард из тех людей, которых постоянно толкают и они неизменно оказываются внизу. Кстати, я не вполне уверена, что Филипп Андерссон невиновен.

– Да, он очень неприятный тип, – согласилась Анника и вставила слова «шведы на южном берегу Испании» в поисковую строку Гугла. Поисковик выплюнул сайт [www. costadelsol.nu](http://www.costadelsol.nu)². Сайт загрузился, и Анника приступила к чтению. Она узнала, что на южном берегу Испании есть шведская радиостанция, которая круглосуточно транслирует рекламу. Там же издаются ежемесячный шведский журнал и шведская новостная газета. Там работают шведские риелторы, шведские рестораны и поставщики продовольствия, существуют шведские поля для гольфа. Там можно найти шведских стоматологов, ветеринаров, банкиров, строителей и организаторов телевизионных студий. Она читала форумы, в которых говорилось, что раньше было лучше; нашла она на сайте и календарь праздников, размещенный шведской церковью. Мэрами Марбельи часто были шведы или люди, женатые на шведках. Например, Анхела Муньос называла себя просто Титти.

– Господи, – сказала Анника, – похоже, Марбелья поистине такое же воплощение Швеции, как дождливое лето.

– Да, но там чаще бывает солнце, – возразила Берит.

– Сколько шведов там проживает?

– Около сорока тысяч, – ответила Берит.

Анника удивленно вскинула брови:

– Это больше, чем в Катринехольме.

– Но это только постоянные жители, – заметила Берит. – Там намного больше шведов, которые живут в Испании только часть года.

– И там, в этой шведской идиллии, убили целую семью.

– Райский уголок, – саркастически заметила Берит, подняла трубку и позвонила в генеральную прокуратуру.

Анника тем временем начала читать статью «Последние новости из Испании».

Испанская полиция провела грандиозную операцию по изъятию наркотиков в Ла-Кампане. Из хранилищ было изъято 700 килограммов кокаина. В преступлениях, связанных с торговлей наркотиками, подозревают троих руководителей запрещенной баскской партии ЭТА. Опасаются, что в этом году снова будет засуха. Выборы провалились в Сан-Педро, а Антонио Бандерас потерпел поражение в Марбелье.

² *nu* – национальный домен островного государства Ниуэ; домен продается на экспорт, особенно востребован среди пользователей Швеции, Дании и Нидерландов, в языках которых слово «*nu*» переводится как «сейчас». (Примеч. ред.)

Анника закрыла Гугл и перешла на страницу архива «Квельспрессен».

Многие шведские знаменитости имели дома или квартиры в Испании – деятели шоу-бизнеса, артисты, звезды спорта и финансовые акулы.

Она подняла трубку и позвонила в пункт международной связи. На этот раз удача ей улыбнулась. Она попросила дать ей телефонные номера ресторана «Ла-Гаррапата», «Шведского журнала», газеты «Сюдкюстен» и агентства недвижимости «Ваза». Все эти учреждения находились в провинции Малага.

Она обзвонила их.

Никто из шведов, ответивших по этим испанским телефонам, ничего не знал о смертях, связанных с отравлением газом, но все знали множество сочных историй о других отравлениях, вообще массу историй о местной промышленности, погоде, людях и уличном движении.

Анника узнала, что в провинции Малага живет более миллиона человек, из них полмиллиона в самой Малаге и еще пара сотен тысяч в Марбелье. Средняя зимняя температура восемнадцать градусов, а летняя – двадцать семь. В году там триста двадцать солнечных дней. Марбелья была основана римлянами в 1600 году до Рождества Христова и называлась вначале Салдуба. В 711 году город завоевали арабы и назвали его Марбила. В некоторых районах города до сих пор сохранились остатки римских сооружений.

– Мы скакали в звериных шкурах, когда тамошние жители пользовались водопроводом и воздушными кондиционерами, – сказала Анника, положив наконец трубку.

– Не пообедать ли нам? – спросила Берит.

Они обезопасили компьютеры, чтобы никто не смог отправить с них сообщений.

Анника рылась в сумке в поисках талонов на питание, когда зазвонил ее прямой телефон. Номер на дисплее состоял из одиннадцати цифр и начинался с тридцати четырех.

– Анника Бенгтзон? Это Рикард Мармен. Я тут разобрался с газовыми отравлениями. Знаешь, все сходится.

Видимо, он все-таки отвлекся от своих дел, ибо теперь в трубке не было слышно никаких посторонних шумов.

– Ага, – сказала Анника, уже отчаявшаяся найти талоны.

– У вас есть какая-нибудь информация о семье?

– О погибшей семье?

Она наконец обнаружила обтрепанный талон в ключнице.

– Вы там в курсе, что это семья Себастиана Сёдерстрёма?

Она едва не спросила кто, но, вместо этого, просто умолкла и затаила дыхание.

– Это профессиональный хоккеист? – спросила она и уронила талон на пол.

– Ну, он уже лет десять как закончил выступления за НХЛ. Он теперь живет здесь и владеет теннисным клубом. Насколько я знаю, погибла вся его семья, включая тещу.

– Себастиан Сёдерстрём мертв? – громко спросила Анника и замахала рукой, чтобы остановить Берит, которая уже шла в столовую. – Погибла шведская семья?

– У него была жена и двое маленьких детей.

– Что случилось с Себастианом Сёдерстрёмом? – спросил невесть откуда материализовавшийся Патрик и подошел к Аннике.

Анника повернулась к нему спиной и заткнула пальцем свободное ухо.

– Надежна ли эта информация? – спросила она.

– Абсолютно.

– Кто может ее подтвердить?

– Не имею ни малейшего понятия, дорогуша. Но теперь ты это знаешь.

Рикард Мармен отключился, не дождавись ответа.

– Что там случилось? – еще раз нетерпеливо спросил Патрик.

Берит вернулась и поставила сумку на прежнее место.

– Набери «Себастиан Сёдерстрём» на сайте paginasblancas.es, – сказала Анника.

Берит ввела пароль, зашла на сайт и прочла: Лас-Эстрельяс-де-Марбелья, Новая Андалусия.

Номер был девятизначный и начинался с цифр 952.

– О чем идет речь, что произошло? – снова спросил Патрик, воздев руки к потолку, чтобы подчеркнуть свое возмущение и замешательство.

– Надо посмотреть одну вещь, – ответила Анника и набрала номер виллы в Лас-Эстрельяс-де-Марбелья. Через пять гудков ответил электронный женский голос. Анника положила трубку и набрала прямой номер пресс-центра министерства иностранных дел.

– Не возлагай на этот звонок слишком больших надежд, – предупредила Берит, заметившая, какой номер набрала Анника. – Они обычно узнают обо всем позже всех.

После цунами и Фукусимы министерство встряхнулось, и какое-то время служащие пресс-центра реагировали на обращения оперативно, однако постепенно все успокоилось, и жизнь там вошла в привычную сонную колею.

– Меня зовут Анника Бенгтзон, я звоню из редакции газеты «Квельспрессен», – представилась Анника, когда в министерстве наконец сняли трубку. – Мне необходимо подтверждение гибели от газового отравления семьи в Лас-Эстрельяс-де-Марбелья в Южной Испании, а также подтверждение того, что эти люди были гражданами Швеции.

– У нас пока нет такой информации, – несколько в нос ответила дама на другом конце провода.

– Ты не будешь так любезна посмотреть, не поступила ли уже такая информация? – медоточиво осведомилась Анника и положила трубку.

– Мой испанский слишком беден, чтобы объясняться с испанской полицией, – призналась Берит.

– Мой еще беднее, – вздохнула Анника.

– Надо позвонить в Интерпол, – предложила Берит.

– Лучше в Европол, – возразила Анника, – они работают оперативнее.

– Да в чем дело, наконец?! – взревел окончательно вышедший из себя Патрик.

Аника обернулась и удивленно посмотрела на коллегу, то есть, пардон, начальника.

– У меня есть источник, который утверждает, что убитая газом семья на южном берегу Испании – это Себастиан Сёдерстрём, его жена, двое детей и теща.

Патрик развернулся на каблуках и сел, прижав к губам обе руки. Помолчав, он воскликнул:

– Это же спортсмен!

Аника сделала три шага, приблизилась к Патрику и обняла его за плечи.

– Успокойся, – сказала она, когда Патрик поднял голову и посмотрел Аннике в лицо. – Мне нужны подтверждения. Не надо пока тревожить спортсменов. Нельзя заставлять их писать свои руны, пока мы не будем на сто процентов уверены.

– Их надо обзвонить, – предложил Патрик.

– И что ты им скажешь? Что мы думаем, будто он убит? Даже если это правда, мы не знаем, оповещены ли его родственники.

– Ты же сама говоришь, что они все погибли.

Аника застонала.

– Может быть, у него есть братья, сестры и родители.

Она подошла к нему еще ближе, готовая вцепиться в кадык.

– Послушай моего совета, шеф. Умерь свой энтузиазм. Иначе ты так плюхнешься в канаву, что полетят брызги, а это случится, если ты будешь продолжать в том же духе.

От такого внушения Патрик побледнел.

– Однако шефом назначили не тебя, – сказал он и быстрым шагом направился в спортивную редакцию.

– Это дело надо взять под контроль, – сказала Берит и взялась за телефонную трубку.

После недолгих переговоров стало ясно, что испанская полиция подтверждает смерть пятерых жителей пригорода Марбельи, последовавшую, по некоторым данным, от отравления газом. Говорить о личностях и национальности умерших можно будет только завтра после обеда.

Они решили сделать паузу и поспешили в столовую.

– Спорт – не самая сильная моя сторона, – констатировала Берит, когда они с порциями гуляша уселись за стол у окна. – Кто этот человек?

Анника надкусила хрустящий сухарик и посмотрела в окно, на серые сумерки.

– Довольно долго выступал за профессиональные клубы НХЛ, – сказала она. – Сначала в «Анагейм Дакс», потом в «Колорадо Аваланш». Играл в защите. В начале девяностых несколько лет подряд выступал за шведскую сборную. Мне кажется, что он играл, когда «Тре крунур» брали золото на чемпионате мира девяносто первого года в Финляндии и девяносто второго года в Чехословакии...

Берит положила вилку на тарелку.

– Откуда ты все это знаешь?

Анника отхлебнула минеральной воды и с трудом ее проглотила.

– Это был кумир Свена, – ответила она, и Берит больше ни о чем не стала спрашивать.

– То есть это закатившаяся спортивная звезда, – сказала она и проследила за взглядом Анники, которая с тоской смотрела в черноту за окном.

По стеклам окна били крупные капли дождя.

– Подумай, он достиг величия, когда ему было двадцать четыре, – подала голос Анника. – Весь остаток жизни он вспоминал о том, что *было тогда*.

Они выпили кофе и вернулись в редакцию.

Патрик нетерпеливо расхаживал взад и вперед у стола Анники.

– У меня есть для тебя дело, – сказал он. – Завтра во второй половине дня Кикки Поп будет вести на радио программу по П1. Я хочу, чтобы ты позвонила Эрику Понти и спросила у него, что он думает по этому поводу.

Анника внимательно посмотрела на Патрика. Да, шеф начинает самоутверждаться. Она хотела было рассмеяться, но передумала.

– Хочешь поиграть со мной в перетягивание каната? – спросила она. – Я занимаюсь убийством в Марбелье, это главная тема. Есть масса шведов, которые здесь...

– Этим может заняться Берит, я хочу, чтобы мое задание выполнила ты.

– Ты говоришь мне, чтобы я позвонила Эрику Понти и попыталась заставить его лить грязь на коллегу, да еще и женщину? Которая к тому же молодая блондинка?

– Он и так уже прославился гадостями, которыми осыпал множество красоток.

Анника села за стол и неестественно выпрямила спину.

– Несомненно, Понти надутый индюк и самовлюбленный нарцисс, но он отнюдь не глуп, – сказала она. – Он однажды критиковал женщину, блондинку, но эта критика была обоснованной. Но вспомни, сколько дерьма ему пришлось после этого съесть. Неужели ты думаешь, что он снова на это пойдет?

Патрик смотрел куда-то поверх головы Анники.

– Ты позвонишь Эрику Понти, – повторил он.

Анника наклонилась вперед, взяла трубку и позвонила в «Экот».

Эрик Понти не пожелал давать никаких комментариев ни по поводу Кикки Поп, ни по поводу ее программы.

– Воистину, какая неожиданность, – едко заметила Анника, взяла с пола куртку и направилась к выходу.

– Куда ты пошла? – крикнул ей в спину Патрик.

– У меня встреча в два часа, – ответила она, обернувшись через плечо.

– С кем?

На этот раз Анника остановилась, обернулась и пристально взглянула в глаза Патрику.

– Есть одна вещь, она называется защищенный источник. Ты когда-нибудь об этом слышал?

– Нет источников, защищенных от твоего руководителя, – отчеканил он, и Анника увидела, как вспыхнули его уши.

– Их не существует для главного редактора, – поправила она его.

После этого она вышла из редакции, села в машину и протянула пропуск добряку Туре.

Дождь усилился, и Анника всю дорогу ехала с включенными дворниками. Было всего половина второго, но уже начинало темнеть. Сумерки незаметно окутывали мерзнувших пешеходов, грязные уличные фонари и большегрузные фуры с мерцающими фарами дальнего света.

Она ехала на запад, к Енчёпингу, мимо Риссне, Ринкебю и Тенсты. Миновала высотный дом, ратушу, опустевшие школы и покинутый футбольный стадион. Перед кольцевой железной дорогой Анника внезапно попала в затор. Она принялась всматриваться поверх стоявших впереди автомобилей, стараясь понять, не случилось ли какое-то происшествие, о котором надо было сообщить в газету. Но кажется, все было спокойно. Хотя, возможно, под машину попал пешеход или кто-то пытался перебежать путь перед идущим поездом. Такое случается нередко.

Скоро движение, однако, восстановилось. Машины снова покатались плавно и без остановок. Здания стали скромнее. Начались промышленные районы. Дорога теперь была проще. Глинистые брызги летели в ветровое стекло из-под колес ехавших впереди автомобилей. Дворники едва справлялись. Анника попыталась послушать радио, но передавали рекламный блок, и она выключила приемник.

Пейзаж за окнами становился все более унылым. Промышленные предприятия закончились, вдоль дороги теперь попадались только елки. Длинные ветви протягивались к машине, как к такому же грязному «вольво», в котором она в тот декабрьский день нашла Александра.

У Брунны она свернула вправо, к Ролигхетену. Дождь прекратился, и сразу наступила тишина. Анника плохо ориентировалась на дороге, но компенсировала этот недостаток детальными картами и цветными схемами, которые сама для себя рисовала. Сейчас надо было свернуть влево у Лерберги, потом направо, потом, через восемьсот метров, снова направо, проехать мимо Форнста. Дальше надо миновать военный учебный лагерь и повернуть направо.

Она ехала в Лейонгорден, в старый семейный дом у Лейондалышён, где жила Юлия Линдхольм со своим вновь обретенным сыном.

Анника давно обещала их навестить, но медлила до сегодняшнего дня. Она не знала, чего ждать от этого визита. До этого они с Юлией встречались всего дважды, и оба раза при чрезвычайных обстоятельствах.

Первый раз они встретились на месте преступления, на Санкт-Паульсгатан в Сёдермальме. Тогда Юлию она видела вместе с ее коллегой Ниной Хофман, вместе с которой в тот вечер ехала в полицейской машине 1617. В вызове на первый взгляд не было ничего особенного – обычная квартирная ссора, и Анника вызвалась сопровождать полицейских, хотя те и приказали ей держаться сзади. Потом, когда дело приняло серьезный оборот и полицейские обнаружили трупы, Нина выгнала ее на улицу.

В другой раз Юлия была в положении подозреваемой в убийстве своего мужа, известного полицейского Давида Линдхольма, и сына Александра. Никого не интересовало, что она

с самого начала говорила о своей невиновности, пыталась всех убедить, что не убивала мужа, что его застрелила другая женщина, которая похитила их сына.

Сына Юлии, Александра, Анника видела один раз, в ту ночь, когда столкнулась с ним в доме Ивонны Нордин недалеко от Гарпхюттана. Мальчик был похищен и находился у Ивонны в течение семи месяцев, прежде чем Анника его нашла.

Свет фар выхватил из сумрака красную стену. Она была у цели. Анника въехала в сад, поставила машину на ручной тормоз и оставила мотор работать на холостых оборотах.

Лейонгорден представлял собой приземистый и темный одноэтажный дом, стоявший на самом берегу озера Лейон-даль. На первый взгляд этот дом мог показаться детским садом или домом престарелых. Фонарь, висевший над крыльцом, освещал небольшую детскую площадку. Серая вода озера виднелась в глубине, за домом.

– Я хочу по-настоящему тебя поблагодарить, – сказала ей Юлия по телефону, и эти слова немного смутили Аннику.

Она пригладила волосы, выключила мотор и вышла из машины на гравий.

На крыльце Анника остановилась и некоторое время смотрела на озеро. Несколько берез отчаянно карабкались по крутому склону. Их ветви были такими же серыми, как озерная вода. В нескольких сотнях метров от берега виднелся покрытый редким лесом островок. Откуда-то издали доносился шум моторной лодки.

Дверь открыла женщина в вязаной кофте и меховых тапочках и выглянула на улицу.

– Анника Бенгтзон? Привет, меня зовут Генриетта.

Они пожали друг другу руки.

– Юлия и Александр тебя ждут.

Она вошла в уютный дом. В комнате слегка пахло плесенью. Обстановка напоминала о семидесятих годах. Светлый линолеум, розовые ворсистые дорожки, пластиковые панели. Сквозь полуоткрытую дверь прихожей была видна ярко освещенная комната, напоминавшая гостиную. Там Анника заметила несколько коричневых пластиковых стульев и фанерный стол. Из зала доносился смех.

– Ну, должна сказать, что вести себя надо совершенно естественно, как обычно, – предупредила Генриетта, и Анника почувствовала нарастающую внутреннюю неловкость.

– Нам сюда...

Генриетта свернула налево и пошла по узкому коридору. Справа был ряд дверей, слева ряд окон, выходивших на автостоянку.

– Я сейчас вспоминаю свою единственную в жизни поездку на поезде, – сказала Анника. – Надеюсь, что все будет нормально.

Генриетта сделала вид, что не слышит этих слов. Она остановилась у одной из дверей и тихонько постучалась.

Анника заметила, что на дверях нет ни замков, ни номеров. Она читала о таких приютах для реабилитации, как об учреждениях, призванных обеспечить для пациентов «хороший уход и чувство безопасности».

Дверь открылась. На пол коридора упал треугольник желтого света.

Генриетта отступила назад.

– Это Александр. Он сегодня испек торт, – сказала она и впустила Аннику в комнату. – Скажи, если хочешь, чтобы я забрала его и немного с ним поиграла.

Последнюю фразу она произнесла в комнате.

Анника, оцепенев, застыла на пороге.

Комната оказалась намного больше, чем она себе представляла, и заканчивалась окном и отдельным выходом на террасу. Напротив входной двери стояли двуспальная кровать и детская кроватка, дальше, в глубине, – диван, телевизор и обеденный стол с четырьмя стульями.

За столом сидела Юлия Линдхольм в кофте со слишком длинными рукавами. Волосы были собраны в конский хвост. Мальчик стоял у стола спиной к двери. Руки его судорожно двигались, как будто он что-то лихорадочно дорисовывал.

Юлия вскочила со стула, бросилась к Аннике и крепко ее обняла.

– Как здорово, что ты приехала, – сказала она и еще теснее прижала Аннику к себе.

Анника, протянувшая было руку для пожатия, почувствовала себя полной дурой и неловко ответила на объятие. Дверь за ее спиной тихо закрылась.

– Да, это понятно, – сказала Анника. – Я приехала с тобой повидаться.

– Ко мне пока немногие могут приезжать, – сказала Юлия, разомкнула наконец объятия и села на диван. – Родители были у меня на Рождество, да Нина приезжала несколько раз. Но я сказала, чтобы мама Давида не приезжала, я не хочу ее видеть. Ты с ней встречалась?

– С мамой Давида? Нет.

Анника поставила сумку на пол рядом с диваном и туда же сбросила куртку с капюшоном. Потом она посмотрела на мальчика. Его нежный профиль угадывался за светлыми локонами. Он что-то рисовал большими мелками, рисовал старательно и целеустремленно, не поднимая головы. Анника осторожно приблизилась к мальчику и опустила рядом на пол, стараясь заглянуть ему в глаза.

– Привет, Александр, – сказала она. – Меня зовут Анника. Что это ты рисуешь?

Мальчик еще плотнее сжал челюсти и стал еще сильнее нажимать мелом на бумагу, нанося на нее жирные черные линии.

– Бабушка такая странная, – сказала Юлия, – и будет только хуже, если мы встретимся, особенно здесь, в этом тепличном и искусственном месте. Мы встретимся с бабушкой, когда вернемся домой, правда, старина?

Мальчик не ответил. Весь рисунок был заполнен острыми черными углами. Анника присела на диван рядом с Юлией Линдхольм.

– Он пока мало говорит, – пояснила та. – Это не опасно, но пройдет только со временем.

– Он вообще что-нибудь говорит? – спросила Анника.

Улыбка исчезла с лица Юлии. Она молча покачала головой.

«Со мной он говорил, – вспомнила Анника, – говорил связными предложениями: *Много ли на свете богов? Она глупая. Она очень глупая. Мне нравится зеленый цвет*».

Юлия встала перед окном спиной к Аннике. В отражении от окна Анника видела, что Юлия внимательно рассматривает свои ногти. Потом она внезапно бросилась к телефону, висевшему на стене у двери на террасу.

– Генриетта, ты можешь ненадолго забрать Александра? Ну да, сейчас. Огромное спасибо.

В молчании Юлии было что-то электризующее. От этого молчания у Анники пересохло во рту и стало покалывать в пальцах. Она сжала руками колени и принялась рассматривать бабушкин изумрудный перстень. Прошла бесконечно долгая минута, прежде чем няня, или как там она называлась, вошла в комнату и взяла Александра за руку.

– Пойдем посмотрим один хороший фильм – ты и я? Фильм называется «Немо».

Генриетта повернулась к Аннике:

– Это фильм про маленького мальчика-рыбку. Он потерял папу, но потом его нашел.

– Да, – сказала Анника, – я знаю.

Молчание продолжало висеть в комнате и когда они с Юлией остались одни.

– Я работаю в «Квельспрессен», – заговорила Анника, просто для того, чтобы нарушить молчание. – Я хочу спросить: ты не против, если я напишу о тебе в газете? О тебе и Александре, о том, как вы здесь живете.

Юлия продолжала сосредоточенно рассматривать ноготь.

– Пока нет, – сказала она. – Может быть, позже. Да, позже. Я очень хочу все рассказать, но у меня пока путается в голове.

Анника молча ждала. Она, конечно, не рассчитывала, что Юлия сейчас расскажет все о времени после освобождения, но надеялась, что когда-нибудь это сделает. В СМИ полицейские истории всегда заканчиваются раскрытием преступления и наказанием преступника. О последствиях преступлений, о мучительном возвращении жертв к нормальной жизни не пишут практически никогда.

– Я так зла, – призналась Юлия тихо и почти удивленно. – Этот безумный мир меня проклял.

Она медленно подошла к столу и села на стул Александра. Она была такая маленькая, что почти исчезла в просторном свитере.

– Мне говорят, что и это тоже нормально. Все здесь чертовски нормально!

Она в отчаянии всплеснула руками.

– Вы находитесь здесь все время с тех пор, как тебя отпустили из-под стражи? – спросила Анника.

Юлия кивнула.

– Это было среди ночи, меня привели в дежурную комнату, в половине второго закончили все формальности и привезли сюда. Александр был уже здесь.

Она посмотрела в окно. На улице совсем стемнело.

– В тюрьме мне было плохо, – сказала она. – Но и здесь я сначала чувствовала себя не лучше. Александр не хотел меня признавать. Он все время от меня отворачивался или уходил к Генриетте.

– И это тоже считалось нормальным? – спросила Анника, и Юлия горько рассмеялась.

– Ты очень верно ухватила суть, – сказала она. – Они здесь все очень крепкие профессионалы. Так сказала Нина, а она хорошо к ним присмотрелась. Это временный семейный приют «Роллс-Ройс», говорит Нина, и жизнь в обществе, с соседями, не компенсирует нам все те несправедливости, жертвами которых мы стали...

За словами Юлии Анника слышала голос Нины Хофман. Лучшая подруга Юлии, полицейская, с которой она вместе училась и выезжала на патрулирование, стала для Анники источником сведений о Давиде Линдхольме. Анника и теперь явственно видела перед собой Нину – с ее туго стянутым конским хвостом, решительным взглядом и сильными руками.

Юлия снова встала.

– Ты не хочешь кофе? Кофе в термосе. Торт пек не Александр. Его испекла Генриетта, а Александр сидел рядом и разрисовывал доску.

Она взяла со стола высокую стопку рисунков и протянула их Аннике. Замысловатые черные штрихи заполняли почти каждый квадратный миллиметр листов.

– Это тоже нормально, – сказала она и положила рисунки на место.

– Может быть, немного кофе, – сказала Анника. – У нас в редакции кофе такой, что его просто невозможно пить. Некоторые поговаривают, что в титан наливают не воду, а кошачью мочу.

Юлия ткнула пальцем в термос, но кофе наливать не стала.

– Мы здесь уже почти три месяца, – продолжила она. – Мне говорят, что это ради Александра. Это он находится здесь на попечении. Мы в острой стадии, и нас обследуют и наблюдают. – Последнее слово Юлия произнесла резко, с нескрываемой злобой. – Мы останемся здесь еще два, а то и шесть месяцев. Дальше проживание вблизи лечебного учреждения. Главное – это восстановление отношений между ребенком и родителями. Меня будут обучать родительским обязанностям. После этого появится возможность вернуться домой.

Юлия закрыла лицо руками и разрыдалась.

Анника, налившая себе кофе из термоса, закрыла крышку и как можно тише поставила термос на стол.

– Понятно, что ты разозлена, – сказала она. – Да и Александр тоже. Я, конечно, не специалист по проблемам психики, но думаю, что они правы. Самое разумное – это предположить, что вы пока оба не в себе.

Юлия взяла со стола салфетку и высморкалась.

– Они говорят, что для маленького ребенка полгода – это целая жизнь. Алекс провел семь месяцев с этой сумасшедшей каргой, поэтому понятно, что он зол на весь свет. Он не получал ответов на свои вопросы обо мне и Давиде. Для него мы оба были мертвы. Мало того, врачи говорят, что он понимал, что его жизни тоже угрожает опасность. Его психика получила множество травм, то есть эта скотина его очень умело сломала.

– Как он теперь себя чувствует?

– Он стал подходить ко мне, но до сих пор не смотрит мне в глаза. Он плохо спит по ночам, часто просыпается и плачет. Мы опять стали пользоваться пеленками, хотя он перестал мочиться под себя в два года. А вот теперь снова начал.

– Но что вы делаете здесь целыми днями? – спросила Анника и отпила кофе. Кофе был отменно хорош.

– Со мной ведут беседы, и скоро я буду ходить на групповую психотерапию и общаться с другими мамами, а это окажет на меня сильное исцеляющее действие. Александр просто играет. Он копается в песочнице, рисует, играет в мяч. Когда нас отсюда выпишут, его будет наблюдать детский психиатр.

Юлия нервно рассмеялась.

– Но я что-то разболталась, – осеклась она. – Я хочу тебя поблагодарить, поблагодарить за все, что ты для нас сделала. Если бы не ты...

Анника с силой обхватила руками чашку.

– Не волнуйся, все в порядке. Я очень рада, что смогла принести пользу.

В комнате снова повисла тишина.

– Скажи, как ты провела Рождество? – спросила наконец Юлия.

Анника поставила чашку на блюдце.

Надо ли говорить Юлии правду? Рассказать, что день Рождества они провели с детьми в Старом городе среди передвижных картонных декораций, ели ветчину и смотрели «Калле Анку»? Рассказать, что потом она отвезла детей к папе – на Новый год и на День Вознесения, потому что там им будет лучше?

– Можно сказать, что хорошо. Правда, было очень много работы. Сейчас мы разрабатываем материал о групповом убийстве в Испании.

Юлия встала и повернулась спиной к Аннике.

– Солнечный Берег – это жуткое место, – сказала она, – а Эстепона – просто страшное.

Анника снова принялась рассматривать свои руки. Предмет для разговора она выбрала явно неудачный. Она знала, что тогда, в Испании, Юлия пережила самый худший период своей жизни с Давидом.

– Прости, – сказала Анника, – я не хотела...

– Мы прожили там полгода, – продолжала Юлия, – и Давида почти все это время не было дома, он постоянно находился в каких-то разъездах. Я была беременна, машины у меня не было, до ближайшего магазина – несколько километров. Я ходила туда и волокла домой сумки с едой, а на улице тридцатиградусная жара.

– Как же тебе было тяжело, – сочувственно произнесла Анника.

Юлия пожала плечами:

– Он все время работал под прикрытием. Однажды вообще исчез на две недели и все это время не давал о себе знать. Вся эта проклятая операция продолжалась несколько лет. Несколько лет!

Она повернулась лицом к Аннике:

– Я никогда не знала, чем он занимался – наркотиками, или отмыванием денег, или чем-то еще. Я никогда и ничего не должна была знать.

Она наклонилась к Аннике:

– И знаешь, что было самое худшее? Я всегда страшно боялась, что с ним что-нибудь случится, что-то ужасное и опасное. И ты видишь, что случилось?

Она визгливо рассмеялась.

– Он трахал меня в тот раз как сумасшедший, но явилась она и прострелила ему голову и яйца, меня заперли в тюрьму, а Александра.

Она почти вплотную приблизила свое лицо к лицу Анники.

– Они говорят, что это на всю жизнь отпечатается в его психике. И никто даже не пытался мне поверить.

Она ударила по столу ладонями с такой силой, что подпрыгнули чашки.

– *Мне никто не поверил!*

Анника поняла, что время посещения истекло.

Она отодвинула чашку и встала.

Юлия упала на стул и устала пустой взгляд прямо перед собой.

– И как нарочно, это была Ивонна Нордин, именно она – из всех людей.

Анника остановилась.

– И что? Ты ее знала?

Юлия покачала головой:

– На самом деле я никогда с ней не встречалась, как и с Филиппом Андерссоном.

Анника подошла к двери и подняла с пола куртку.

– Что касается Филиппа Андерссона, – сказала она, – генеральный прокурор потребовала пересмотра приговора по его делу.

Юлия подняла голову.

– Нина будет очень рада, – бесцветным тоном произнесла она.

Анника удивленно застыла на месте с курткой в руках.

– Нина Хофман? Почему она должна быть рада?

Юлия почесала левую руку.

– Понятно почему. Потому что это ее брат.

Анника схватилась за мобильный телефон, едва успев открыть дверцу машины и сесть за руль. Достав телефон, она по памяти набрала номер Нины Хофман.

Почему Нина не сказала, что она сестра Филиппа Андерссона и Ивонны Нордин?

В трубке свистело и жужжало, и прошла добрая минута, прежде чем было установлено соединение. Анника внимательно рассматривала темные окна приюта, пока шли гудки.

Сколько раз они с Ниной обсуждали убийство в Сёдере? Сколько раз поднимали вопрос о том, виновен Филипп Андерссон или невиновен? Был ли Филипп связан с криминальным миром или с Давидом Линдхольмом? После того как побывала в тюрьме у Филиппа Андерссона, она сразу же, по пути домой, заехала к Нине и рассказала ей об этом визите...

В трубке раздались частые гудки, как будто на противоположном конце нажали отбой.

Неужели во всех этих разговорах у Нины был какой-то свой, скрытый интерес, неужели она все время лгала и разговаривала с Анникой только для того, чтобы выпытывать у нее нужные сведения и направлять то, что она писала?

Анника еще раз набрала номер. В коридорах и комнатах приюта стали зажигать свет. Появилась Генриетта с Александром. Мальчик был настолько мал, что Анника не сразу его заметила. Локоны на его светлой головке подпрыгивали при каждом шаге.

В трубке что-то щелкнуло, и заработал автоответчик компании «Телия». Анника торопливо отключилась, словно должна была сделать что-то абсолютно ей ненужное.

Она положилась на Нину, но та ее обманула.

Анника попросила Нину достать паспортную фотографию Ивонны, и Нина ни словом не обмолвилась о том, что они сестры.

Анника сделала третью попытку. Снова автоответчик. Она откашлялась.

– Привет, это Анника Бенгтзон, – сказала она. – С Новым годом. Ты не перезвонишь мне, когда получишь это сообщение? Пока.

После этого Анника позвонила на коммутатор полиции, и ее соединили с участком на Торкель-Кнутсгатан. Ответил человек, представившийся Сисулу:

– Нина Хофман в отпуске. Она выйдет на дежурство в воскресенье.

Анника поблагодарила и положила телефон на пассажирское сиденье, включила двигатель, выехала на дорогу и, набрав скорость, поехала в редакцию. Поднявшись на холм возле Кальхелля, она вдруг поняла, что ей, собственно говоря, некуда спешить.

Возвращаться и выслушивать глупости Патрика не хотелось, не тянуло ее и в неуютную квартиру на Агнегатан.

Зазвонил ее мобильный телефон. Увидев на дисплее номер своего бывшего супруга, Анника испытала странное возбуждение.

– Привет, это Томас.

Она глубоко вдохнула, ощутив в груди радостное волнение.

– Привет, – ответила она, пожалуй, слишком звонко.

– Что делаешь? Ты на улице, в машине?

Она тихо засмеялась, чувствуя, как ее охватывает приятное тепло.

– Да, ездила по рабочим делам, но теперь уже возвращаюсь домой. Это легче.

– Знаешь, мы тут сидим и строим планы на Пасху, и нам хочется знать, как у тебя складывается неделя после семнадцатого?

Радость была так сильна, что Анника ощущала ее почти физически.

– Ты стал говорить о себе во множественном числе, как августейшая особа? – спросила она, постаравшись придать голосу шутливые интонации.

Но шутка не сработала.

– Знаешь, Пасха в этом году поздняя, двадцать первого апреля, а потом у меня будет очень напряженная неделя. Мне надо будет уехать на конференцию, а это моя неделя. Как ты смотришь на то, чтобы поменяться...

– Пока не могу ничего сказать, – ответила Анника. – Я получила повышение на работе, а это значит, что будут какие-то изменения.

Он помолчал.

– Ты не могла прежде посоветоваться со мной? – спросил он после недолгой паузы.

Гнев вскипел мгновенно, но Анника сумела сдержаться.

– Это не отразится на том, сколько времени я смогу проводить с детьми, поэтому советовать с тобой не было никакой необходимости.

– Хорошо, – кисло произнес Томас. – С тобой хочет поговорить София.

Он передал трубку своей новой сожительнице, даже не попрощавшись.

– Привет, Анника, это София.

– Привет, – ответила Анника.

– Знаешь, мы обсудили мою сеть, да, мою частную сеть, это чисто женское сообщество; так вот, у нас к тебе небольшое предложение.

Анника сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться и взять себя в руки.

– Ты работаешь с литературным письменным языком, и я хочу спросить: ты не хочешь войти в наш читательский кружок?

Читательский кружок?!

– Э-э-э... – протянула Анника и затормозила перед светофором на перекрестке в Рисне.

– Эту неделю мы читаем чудесную книгу Мари Херманссон «Сын короля грибов». Ты ее не читала? В этой книге речь идет о самых главных вещах, о том, как важно найти свое место в круге бытия. Сын растет в лесу, но дома слышит шум моря. Это очень сильная и красивая история. Тебе нравится Мари Херманссон?

Анника читала «Устричный пляж» и начала книгу о человеке под лестницей, но не смогла ее закончить.

– Не знаю, право, – ответила она. – Я не очень хорошо к ней отношусь, к тому же у меня теперь новая работа в газете, так что мне будет затруднительно.

– У тебя новая работа? – спросила София. – Но как это повлияет на недели с детьми?

Такой гадости со стороны Софии Анника выдержать не смогла.

– Слушай, – сказала она, – тебе не кажется, что эти вопросы я могу обсудить с отцом моих детей? Но я не собираюсь дискутировать с тобой по поводу моей профессиональной жизни. Я выразилась достаточно ясно?

Эта гребаная София Гренборг слегка сбавила обороты.

– Почему ты такая агрессивная? Я очень хорошо отношусь к твоим детям.

Анника желчно и злобно рассмеялась.

– Какая же ты лицемерка, – сказала она, – и всегда прикрываешься высокими словами. Если бы ты хорошо относилась к моим детям, не стала бы рушить мою семью, ты.

Она хотела сказать «грязная проститутка», но это слово было не вполне адекватным.

– У меня нет времени ни на тебя, ни на твой книжный кружок, – произнесла она спокойно и отчетливо. – Я никогда не стану твоей подругой, так что оставь эти штучки, понятно?

Она нажала отбой, не дожидаясь ответа.

Впервые ей не было стыдно за то, что она изрезала на куски неприлично дорогой бюстгальтер Софии на бензоколонке в Кунгсёре.

Ей не было стыдно за то, что она присылала в газету сообщения с фальшивого адреса *deep-throat-rosenbad* и следила за тем, чтобы предложения Томаса в министерстве юстиции складывали под сукно, даже если они были лучше, чем другие. Томас непосредственно провел упорядочение законодательства о международной экономической преступности, но имел неосторожность забыть обсудить свои предложения с Анникой.

Движение было редким, что было удивительно для часа пик, но это был рабочий день между двумя праздниками, так что многие просто сидят дома или уезжают в отпуск, как, например, Нина Хофман.

Она заскочила в редакцию, чтобы забрать компьютер и ехать домой.

– Слушай, – крикнул Патрик, как только увидел Аннику, – завтра рано утром ты летишь в Малагу!

Анника, уже начавшая запихивать компьютер и бумаги в сумку, поставила ее на пол и выпрямилась.

– О чем это ты? – спросила она.

– Для тебя заказан билет на самолет, вылетающий завтра в 6.30 утра, – сказал Патрик.

Анника всплеснула руками.

– Господи, – воскликнула она, – я никак не могу лететь. Я только что переехала, я не собралась...

– У тебя не так уж много вещей, – подколот Патрик. – Ведь твой дом сгорел, не так ли? Клоббе из отдела спорта проводит отпуск в Марбелье. Он, конечно, не золотое перо, но

будет разбираться в ситуации до завтра. Когда приедешь, возьмешь у него материал. Потом сосредоточишься на личностях жертв и начнешь выяснять, какое отношение ко всему этому имел Себастиан Сёдерстрём. Ты пробудешь там всю неделю.

Анника тупо устала на свою сумку. Самоуверенная ложь Эрика Понти о том, как он ценит Кикки Поп и ничего не имеет против громогласной болтовни на П1, все еще звучала у нее в ушах.

Но она выдержит схему, выдержит.

– Где билеты на самолет? – спросила Анника. – Или у меня будет только номер заказа? Где я буду жить? Будет ли у меня переводчик? Налажен ли контакт с местной полицией? Кто будет фотографировать?

Патрик посмотрел на нее пустым взглядом, а потом выпятил грудь.

– Все это ты решишь на месте. В Испании есть фотографы-фрилансеры. Кроме того, займись расследованием кокаиновых дел. Теперь, после того, как меня повысили, тебе придется писать серию статей о наркотиках и отмывании денег, которую должен был писать я...

Он повернулся на каблуках и скрылся в редакции развлечений.

Анника повернулась к Берит.

– Отлично! – воскликнула она. – Он думает, что быть шефом отдела – это значит бегать по редакции и раздавать указания.

– Номер заказа твоего билета до Малаги находится в электронной почте, – произнесла Берит, не поднимая головы от компьютера. – В Андалусии есть пара скандинавских полицейских, их имена и номера телефонов ты тоже найдешь в электронной почте. Сначала позвони им, а они помогут тебе найти переводчика. Возьми собственный фотоаппарат, так будет проще. Я дам тебе свою полуавтоматическую камеру – просто наводишь видоискатель и снимаешь. Позвони, когда что-нибудь узнаешь.

Она ткнула пальцем в лежавший на столе аппарат в чехле и взглянула на Аннику поверх очков.

– Лети осторожно, – сказала она, – удачи.

Хлопок двери эхом отдался в квартире, когда Анника вошла в прихожую. Несколько минут она привычно постояла в темноте, прислушиваясь к уличным шумам и чувствуя сквозняк, которым тянуло с лестничной клетки.

Это была самая мрачная и темная из квартир, в каких ей приходилось жить раньше. Расположена она была высоко – на пятом этаже. Кроны деревьев заслоняли свет стоявших вдоль Агнегатан уличных фонарей. Из окна ее спальни было видно только беззвездное небо.

Из прихожей она всмотрелась в общую комнату, за которой угадывалась комната Эллен. Кухня была расположена слева от прихожей – это была современная мода, к которой Анника испытывала инстинктивную антипатию.

Она включила свет, сняла куртку и бросила ее на пол. Она быстро прошла мимо кухни, стараясь не смотреть на картонные коробки с нераспакованной домашней утварью.

Войдя в свою комнату, Анника заползла на кровать и села, прислонившись к спинке. Собственно, не было ничего ужасного в этом жилье, и вообще в принципе все было хорошо. Комнат всего три, но площадь довольно большая – сто сорок квадратных метров, с внутренним холлом, который можно было использовать как общую комнату, что позволило устроить для всех троих отдельные спальни.

Ключи она получила вместе с известием о предоставлении ей жилья в Старом городе накануне Нового года. В канун праздника взяла напрокат машину и поехала купить кое-какое барахло – много чего не хватало после пожара.

Она подняла голову и посмотрела на ровный потолок. Должно быть, когда-то он был украшен богатой лепниной, но в последний раз дом ремонтировали в конце тридцатых годов, и с тех пор все украшения просто осыпались.

Этот дом был в долевой собственности, и каждый проживающий имел право на свою часть недвижимости. Эта квартира принадлежала Государственному агентству недвижимости.

Каким образом К. сумел добыть для нее эту квартиру, она не знала, как не знала и того, сколько времени сможет в ней жить.

Анника включила бра над кроватью и подложила под спину подушки, подняла голову и посмотрела сквозь окно на небо.

Одновременно она представила себе спальню на вилле на Винтервиксвеген, вспомнила, как уютно и хорошо она там себя чувствовала. Однако стоило закрыть глаза, как она сразу видела другое – огонь, дым, панику.

Томаса тогда не было дома. Как раз в тот день он оставил семью и ушел к Софии Гренборг, и Аннике пришлось самой спасать детей. Калле и Эллен она спустила на простынях со второго этажа дома из окна спальни, а потом сама прыгнула вниз на стоявший на террасе стол.

Она же и нашла подозреваемую в поджоге.

Через несколько месяцев расследования удалось обнаружить отпечатки пальцев на осколках бутылок с коктейлем Молотова, и эти отпечатки позволили арестовать поджигательницу – американскую профессиональную убийцу по кличке Кошечка.

Это задержание не принесло Аннике никакой пользы.

Кошечке не было предъявлено официальное обвинение в поджоге.

Вместо ареста и привлечения к ответственности комиссар К. устно договорился об обмене: ФБР получило свою Кошечку, а американцы выдали в Швецию шведского гражданина, отбывавшего срок в тюрьме Нью-Джерси.

– Ты продал мой дом, дом моих детей для того, чтобы доставить удовольствие ФБР и возвратить домой убийцу полицейского, – сказала она тогда комиссару К.

Он в ответ пошутил, что зато теперь она может начать с чистого листа, заново устроить свою жизнь. И вот она начала новую жизнь на Агнегатан, дом номер 28, в том же районе, где жила, когда приехала на стажировку в «Квельспрессен» десять лет тому назад. В холле не было окон, иначе она могла бы видеть садовый дом, в котором когда-то все начиналось, до детей, до Томаса. Дом, в котором жил еще Свен...

Где-то в квартире зазвонил телефон – не мобильный, а стационарный. Анника вскочила, не сразу сообразив, где находится аппарат.

После четвертого звонка она обнаружила телефон в комнате Калле.

– Анника Бенгтзон? Это Джимми Халениус.

Статс-секретарь министерства юстиции, самый доверенный человек министра.

Шеф Томаса.

Она звучно откашлялась.

– Томас переехал, я уже говорила тебе это.

– Мне нужен не он, а ты.

Анника приложила трубку к другому уху.

– О, вот как?

– От Бритты я слышал, что ты хочешь получить комментарии относительно выдачи американским властям гражданки Соединенных Штатов в конце прошлого года. Как тебе известно, министр не может давать комментарии по запросам частных лиц, но если ты не против, то я могу уладить дело менее формальным порядком.

– Через Бритту? – спросила она.

– Я буду на Эстерлонггатан в девятнадцать часов. Если тебе интересно, то приезжай туда.

– Я смогу в случае необходимости сослаться на тебя? – спросила она.

– Конечно нет, – ответил он. – Но я могу пригласить тебя на обед.

– Днем я не ем с политиками, – связвила Анника.

– Это твое дело. Спасибо и до свидания, – сказал он и положил трубку.

Она тоже положила трубку и осталась стоять около телефона. В комнате Калле пока не было освещения, и Анника стояла в темноте у окна, глядя на голые ветви деревьев внизу, на уровне третьего этажа.

Собственно, ей пора собираться.

Она взглянула на часы. Вообще-то собираться не обязательно вечером. Она не верила, что кто-то из министерства станет ее слушать. Но, может быть, стоит пойти и послушать, что они скажут ей? Кроме того, она была знакома с Халениусом. Он был у них на вилле за несколько дней до пожара.

Она оглядела лежавший в квартире хлам.

Конкуренция остра как бритва. Выбор невелик – либо ужин в дорогом ресторане, либо целый вечер наедине с железной дорогой Калле.

«Ернет» был одним из тех ресторанов Старого города, мимо которого Анника проходила великое множество раз, заглядывая в его окна, как в аквариум, где жили люди, красивое бытие которых было совсем другим, чем условия ее существования. Там было всегда тепло, там горел яркий свет и сверкали столовые приборы; там в бокалах плескалось дорогое вино, там весело и беззаботно смеялись. На улице, по которой Анника ходила мимо ресторана, всегда было холодно и дул резкий порывистый ветер.

Простенькая маленькая вывеска с названием ресторана, написанным будто от руки, скрипела и скрежетала на ветру. Анника толкнула одну из створок серо-зеленой двери и попала в тамбур. Сразу за тамбуром находился гардероб, в котором хозяйничал коренастый и дружелюбный гардеробщик. Он помог ей снять куртку и при этом не дал номерок и не стал требовать пятнадцать крон на чай.

На часах было десять минут восьмого. Она не хотела опаздывать, но и не желала прийти слишком рано, чтобы потом сидеть здесь в одиночестве, ожидая, когда соберутся гости.

Обеденный зал был очень маленький – не больше десятка столиков.

Джимми Халениус сидел в углу, погрузившись в чтение какой-то вечерней газеты. На столе перед ним стояла кружка пива.

Это была не «Квельспрессен», а какое-то конкурирующее издание.

– Привет, – сказала она. – Ты читаешь не ту газету.

Он поднял голову. Его каштановые волосы торчали в разные стороны, словно он взял привычку расчесывать их в бессознательном состоянии.

Он встал и протянул Аннике руку.

– Девочка, – сказал он, – садись. Те газеты я уже читал. Даже заучивал наизусть. Не хочешь ли что-нибудь выпить?

– Минеральной воды, – сказала она и повесила сумку на набалдашник спинки стула.

– Советую начать с колы, старушка. Это я тебе говорю.

Она села.

– Не хочешь слушаться папу?

Он скрестил руки на груди, слегка вздернул плечи и улыбнулся.

– В отличие от твоих уловок, мое предложение будет честным и откровенным, – сказал он. – Все останется между нами.

Анника взяла со стола салфетку и украдкой взглянула в глаза статс-секретаря, оценила его обаяние и манеру одеваться.

В его облике было что-то властное. Да, он уверен в себе, но не только из-за своего высокого положения. Под изрядно помятым пиджаком была надета синяя рубашка в полоску. Джимми был без галстука и в джинсах.

– Я узнала, что выдача американцам Кошечки была обусловлена несколько иными причинами, чем мы думали, – сказала она, глядя ему в глаза. – Почему вы окутали это дело такой непроницаемой тайной?

Джимми Халениус сложил газету и сунул ее в стоявший на полу поношенный портфель.

– Я должен получить гарантии, что все это останется строго между нами.

Анника промолчала.

– Я могу поделиться с тобой частью информации, – продолжил он, – при условии что ты не станешь это публиковать.

– Почему я имею право тебя слушать, но не имею права писать? – спросила Анника.

Он снова улыбнулся и пожал плечами.

– Здесь есть неплохие блюда, – заметил он.

Анника взглянула на часы.

Халениус откинулся на спинку стула.

– Именно Кошечка совершила убийство на Нобелевском банкете год с лишним назад, – сказала Анника.

– Да, это так, – согласился Халениус.

– Она убила молодого ученого в Каролинском институте.

– Предположительно.

– Она подожгла мой дом, бросив бутылки с зажигательной смесью в спальню моих детей.

– Мы исходим из того, что так оно и было.

Анника провела рукой по лбу.

– Мне это совершенно непонятно, – продолжила Анника. – Я не могу понять, почему вы отступаете от закона ради самой гнусной преступницы, когда-либо попадавшей в руки шведской полиции?

– Разумеется, речь шла о том, что мы получим от американцев взамен, – ответил статс-секретарь.

– Ты это собирался здесь мне сказать?

Он рассмеялся.

– Что ты будешь есть? – спросил он. – Знаешь, люди понимают только то, с чем имеют дело, во всяком случае большинство.

Анника взяла со стола меню.

– Значит, речь идет не только об обмене Кошечки на заурядного убийцу полицейского из Нью-Джерси, – сказала Анника.

Многие блюда, перечисленные в меню, были Аннике хорошо известны, например жаркое с укропным соусом и картофельным пюре. Но она не смогла понять, что такое кремо-лато кон конфрикаре потата.

Джимми Халениус заказал тушеное сердце с черными грибами и сыр на закуску, а на горячее – антрекот на гриле (250 г) с протертым луком, жареной петрушкой и крокетами из сыра.

Анника выбрала сиговую икру и оленину в горшочке.

– Ты любишь вестерботтенский сыр, – одобительно сказала она, когда официант отправился за южноафриканским ширазом.

– А ты предпочитаешь норботтенские блюда – сиг и оленину?

– Да, хотя сама я из Сёрмлана. – Она отпила воду из стакана.

– Я знаю, – сказал он.

Анника уже открыла рот, чтобы спросить, откуда он это знает, но вспомнила их первую встречу на вилле в Юрскольме.

«У тебя был старый «вольво», так? – спросил он тогда. – Сто сорок четвертый, темно-синий, весь побитый ржавчиной?»

Анника вспомнила, как она тогда покраснела.

Она поставила стакан на стол.

– Откуда ты узнал тогда, что я продала машину Свена? – спросила она.

– Потому что ее тогда купил мой двоюродный брат, – ответил Джимми Халениус и отхлебнул пиво.

Она пристально посмотрела на статс-секретаря.

– Роланд Ларссон – твой двоюродный брат?

– Так точно. В детстве мы были большими друзьями.

– А я училась с ним в одном классе в заводской школе в Хэллефорнесе!

Джимми Халениус от души рассмеялся.

– И все эти годы он был безнадежно в тебя влюблен.

Анника тоже засмеялась.

– Да, со мной он потерпел полное фиаско. Это был почти грех с моей стороны.

– Лето мы проводили у бабушки в Вингокере. Там мы вечерами часто забирались на чердак сарая, и Ролле все время говорил о тебе. У него была газетная вырезка с фотографией, на которой ты была изображена в группе школьников. Он все время носил это фото в бумажнике.

Пришел старший официант с закусками, разлил по бокалам вино. Они принялись молча и жадно есть.

Анника отодвинула в сторону пустую тарелку и снова пристально посмотрела на сидевшего напротив мужчину.

– Собственно, сколько тебе лет?

– Я на два года старше Роланда, – ответил он.

– А он старше меня на год, он пропустил один класс.

– Образование никогда не было приоритетом в семействе Халениус. Я был первым из них, поступившим в университет.

– Так ты, значит, тоже из Сёрмлана?

Он выпил вина и покачал головой.

– Я из Эстерёглана, из Норчепинга. Рос на третьем этаже маленького дома на Химмельсталундсвеген.

– Так, значит, ты из социалистов? Мама состояла в общинном совете, а папа – ремесленник.

– Вот и нет. Мой папаша был коммунистом. Я сначала входил в организацию «Красная молодежь», но у социалистов праздники были лучше. Там было больше красивых девушек. Я увел с собой и Ролле. Он до сих пор сидит в муниципальном совете во Флене.

Анника мысленно представила себе Роланда Ларссона, его немного приземистую, коренастую фигуру, длинные руки. Факт, они чем-то похожи. Она не знала, что Роланд был муниципальным политиком.

– Что Роланд делает теперь, чем он вообще занимается?

– Он работает в стекольной компании во Флене, но это летом, а в остальное время сидит в совете и ставит печати.

– Он до сих пор живет в Хэллефорнесе?

– Нет, осенью он переехал в Меллёсу, к одной разведенке с тремя детьми, она живет сразу за магазином, ну ты, наверное, знаешь, это на дороге в Харпсунд...

– Это, случайно, не Сильвия Хагторн?

– Да, это она! Ты ее знаешь?

– Она училась на класс старше нас. Так у нее трое детей? Интересно, от кого?

Старший официант унес пустые тарелки, принес горячее и долил вина в бокал Джимми Халениуса.

– Ты женат? – спросила Анника и взглянула на его левый безымянный палец.

– Разведен, – ответил он и набросился на свое мясо.

– Есть дети? – спросила Анника, отведав оленину.

– Двое, – ответил он, подняв глаза. – Двойняшки. Мальчик и девочка. Им уже по шесть лет.

– Ты забираешь их через неделю?

– С тех пор, как им исполнилось полтора года.

– И как тебе нравится такое положение?

Он отпил еще вина.

– Ну как? – ответил вопросом на вопрос. – А как тебе нравится такое положение?

Он посмотрел на Аннику и принялся жевать дальше.

Она слегка пригубила из бокала. Ей не нравились красные вина, а это было тяжелым, тягучим и густым, как глина.

– Я думаю, что это страшно – быть разведенным, – сказала она и посмотрела ему в глаза. – Я очень скучаю по детям, мне кажется, что я не живу, когда они не со мной. К тому же я просто не выношу новую... сожительницу Томаса.

Она едва удержалась от более хлесткого определения.

– Почему?

Было видно, что разговор забавляет Халениуса.

– Потому что она целиком состоит из штампов. Я вообще не понимаю, что Томас в ней нашел.

– Значит, ты думаешь, что она разбила твою семью?

Анника изо всех сил сжала рукой вилку.

– Конечно, разбила. До нее так и не дошло, что дети должны быть все время со мной.

Джимми Халениус посмотрел в свою тарелку.

– Ты сама в это веришь? – спросил он, не глядя на Аннику. – Не вы ли с Томасом сами, своими руками, разбила свою семью?

Анника была так поражена его словами, что уронила вилку.

– Что ты можешь об этом знать? – спросила она и сама удивилась искусственности своего тона.

Он поднял глаза и рассмеялся.

– Нет, я ничего о вас не знаю, но зато я знаю, какие ошибки совершил я. Жить со мной было сущим мучением. Я не общался с женой. Я был готов начать мировую войну из-за пустяка, но не решал по-настоящему важные дела. Я всегда считал, что жена должна без слов понимать, что я хочу. Я мог начать пять предложений кряду со слова «я». Ты понимаешь, насколько я был эгоцентричен?

Анника посмотрела на него и горько рассмеялась.

– Ты описал почти что меня саму, – удивленно сказала она. – Я тоже была несносной женой.

Произнося эти слова, она была убеждена в их истинности.

– Я не разговаривала с ним о его душевном состоянии, хотя понимала, что он мне изменяет. Я просто ему мстила, я мстила много месяцев, вместо того чтобы сказать за что. Он, естественно, ничего не понимал.

Официант спросил, не хотят ли они что-нибудь еще, и Джимми посмотрел на часы.

– Может быть, зайдем еще куда-нибудь и выпьем? – спросил он.

Анника вдруг вспомнила, что в половине седьмого утра у нее самолет в Малагу.

– Черт! – воскликнула она и тоже посмотрела на часы. – Я же еще не собралась.
– Ты куда-то едешь?
– Я должна быть в Арланде в половине пятого утра.
– Можно подумать, что ты не имеешь ни малейшего представления, что тебе надо взять с собой, – безмятежно заметил Халениус.
– Да, спасибо тебе за ужин, – сказала она и потянулась за сумкой.
Статс-секретарь посмотрел счет и заплатил, попросил официанта вызвать такси и помог Аннике надеть куртку.
На улице шел снег. Снежинки носились в воздухе и, словно иголки, кололи ей лицо. Вывеска над дверью дребезжала на ветру. По середине улицы прошла толпа молодых людей в английских ветровках, размахивавших винными бутылками и мобильными телефонами. Анника отвернулась.
Со стороны Эстерлонггатан появилось такси, и Халениус спустился с крыльца, придерживая дверь.
Он был не очень высок, но все же выше Анники сантиметров на десять.
– Куда летишь? – спросил он.
– В Малагу, – ответила она, увидев приближавшуюся машину.
– А, в Испанию, – сказал он. – *Entonces, vamos a salutar como los españoles!*³
С этими словами он обнял ее, притянул к себе и нежно поцеловал сначала в левую щеку, а потом в правую.
– Испанцы целуются два раза, – сказал он. – Вспомни об этом, когда будешь в Малаге.
Он отпустил ее и улыбнулся, но взгляд у него был напряженным.
Такси остановилось возле них.
– Я тебе позвоню, – сказал он и открыл заднюю дверцу такси.
Анника уселась в салон. Халениус закрыл дверцу, подняв воротник, пошел по улице и вскоре скрылся за углом.
– Куда поедет? – спросил шофер.
Анника вдруг поняла, что намного важнее знать, куда едешь, чем что-то знать о какой-то Кошечке.

Вторник. 4 января

Свет был таким нестерпимо ярким, что Анника невольно зажмурилась. Она на несколько секунд остановилась на трапе, прежде чем снова смогла открыть глаза и спуститься на взлетную полосу, чтобы идти к зданию аэропорта.

Колени и спина затекли и болели. Лоукостеры не шутили, когда начали работать под девизом: «Вы платите только за полет». Рейсовые городские автобусы в Стокгольме были просто райским местом по сравнению с бочками с сельдью, прилетающими в Малагу.

Было тепло, не ниже двадцати градусов. В воздухе над бетонными плитами висел запах авиационного топлива и жженой резины. Она нырнула в автобус, собравший всех пассажиров рейса, и тут же поняла, что сделала ошибку, оставшись в куртке. Беспомощно, словно опрокинутый на спину жук, попыталась снять ее, но безуспешно. Пришлось, потев, трястись до самого входа в аэропорт.

Было такое впечатление, что все летное поле – одна громадная стройплощадка.

Грохот бетономешалок и экскаваторов доносился и в отделение выдачи багажа, где по транспортеру нескончаемой рекой ползли – со скрежетом и скрипом – чемоданы, спортивное снаряжение и бог весть что еще.

³ Тогда давайте поприветствуем друг друга, как испанцы! (исп.).

– Ты не знаешь, где тут можно взять напрокат автомобиль? – спросила Анника у пожилого человека с большим животом и с еще большей сумкой для гольфа.

Он в ответ указал в сторону таможни и направо.

Анника сбросила наконец куртку, положила ее в дорожную сумку и влилась в поток выходящих из аэропорта пассажиров.

Этажом ниже отделения выдачи багажа Анника обнаружила большой зал проката автомобилей и нерешительно пошла вдоль рядов стоек. Все как обычно – «херцы» и «авис», за другими, более дешевыми моделями выстроились огромные очереди местных жителей.

В конце концов Анника прошла все ряды и остановилась в конце зала.

В углу она нашла обшарпанную стойку, за которой дремала усталая девушка. На бирке было написано: «Хелли Холлис». Какого черта, подумала Анника и взяла «форд-эскорт».

Потребовалась четверть часа, чтобы найти машину в гигантском гараже. Дорожную сумку Анника бросила в багажник, а пакет, блокнот с записями, мобильный телефон, фотоаппарат, новейший путеводитель, купленный в Арланде, положила на переднее пассажирское сиденье.

Потом она уселась за руль и включила мобильный телефон.

Никудышный текст Клоббе она прочла в Интернете еще в Арланде. Статья называлась «Мертвые в раю». Короткий сырой текст изобилдовал банальностями и клише: на небе светит яркое солнце, но в сердцах людей поселились холод и мрак. Люди хотят жить спокойно, но их неожиданно и злодейски убивают.

Уже этого было достаточно, чтобы пренебречь всем написанным Клоббе.

«У тебя четыре новых сообщения», – произнес механический женский голос.

Первое сообщение было от Патрика: он просил позвонить в редакцию сразу после приземления.

Второе сообщение было от Патрика, который спрашивал, когда же она позвонит.

Третье сообщение было опять-таки от Патрика. Он писал, что испанская полиция подтвердила факт смерти Себастиана Сёдерстрёма от газового отравления, и почему Анника до сих пор не сообщает, на месте ли она?

Четвертое сообщение было от Берит.

– Мы поделили работу, – сообщила коллега по голосовой почте. Анника могла слушать и одновременно просматривать статьи. – Я написала краткую биографию Себастиана Сёдерстрёма. Спортивная редакция занялась его коллегами по НХЛ и их комментариями. Ты должна написать три статьи: «Все о газовом убийстве», «Так жила семья на южном берегу» и, само собой разумеется, «Идиллия и шок». Переговорим ближе к вечеру. Удачи!

Она отключилась, не выразив особо бурных эмоций.

К машине подошел какой-то человек, замахал обеими руками и начал что-то кричать Аннике. Как она поняла, он хотел, чтобы она уехала и освободила ему место.

Анника заперла двери и принялась укладывать на сиденье мобильный телефон и свои записи.

Мужчина принялся стучать по ветровому стеклу.

Анника на сантиметр опустила боковое стекло.

– В чем дело?

Мужчина продолжал жестикулировать и что-то кричать, но Анника притворилась, что ничего не понимает.

– Мне очень жаль, – сказала она. – *No comprendo*.

Мужчина стал угрожать, что сейчас позвонит в полицию.

– Звони, – сказала Анника и подняла стекло. – Кстати, это отличная идея.

Она набрала мобильный номер первого из двух скандинавских полицейских, телефоны которых дала ей Берит, норвежца Кнута Гарена.

– Меня зовут Анника Бенгтзон, я корреспондент газеты «Квельспрессен». Мне дала твой номер...

– Да, да, я вчера уже разговаривал с Берит Хамрин, – перебил ее полицейский. – Она предупредила, что ты будешь звонить. Ты уже в Марбелье?

– Я сейчас выезжаю.

– Мы можем встретиться в «Ла-Каньяде», в два часа.

– Лаканьяда? – переспросила Анника.

– Это за магазином H&M, – сказал полицейский, и разговор прервался.

«Лаканьяда», – записала Анника в блокноте, включила мотор и выехала из гаража, испытывая страстное желание задавить орущего мужика.

Движение на дороге было просто ужасным. Только теперь Анника поняла, почему Испания уверенно держит первое место по числу погибших на дорогах пешеходов. Машины отчаянно сигналили, водители грозили друг другу кулаками и размахивали руками.

– Успокойся, иначе тебя просто хватит инфаркт, – пробормотала Анника и попыталась разобраться в структуре дорожных знаков. Она не нашла ни знаков, ни структуры.

Похоже, что здание аэропорта Малаги было спроектировано великанами для великанов. К небу взметнулся огромный бетонный скелет. Вся прилегающая территория вдоль дороги была завалена запасами стальной арматуры. На самой дороге между легковыми машинами и мопедами ползали большегрузные фуры, подъемные краны и бульдозеры. Тут же ездили бесплатные автобусы, подвозившие пассажиров от парковок к терминалам. Все дороги были временными, и по ним все ездили как кому вздумается.

В названиях населенных пунктов, которые она должна была проехать, не было никакой логики, и об этом ее предупредила усталая девушка за стойкой проката. Для того чтобы попасть в Марбелью, надо было ехать либо в Кадис, либо в Альхесирас. В первом случае надо было ехать по платной дороге, но зато во втором случае ей пришлось бы ехать через Сан-Педро-де-Алькантара, и это было важно, так как в противном случае она окажется в Эстепоне.

– О, я слышала, что это совершенно ужасное место, – сказала Анника девушке и вспомнила про Юлию.

Девушка посмотрела на Аннику странным взглядом.

– Я там живу, – сообщила она.

Анника миновала Торремолинос, свернула налево и нырнула в беспорядочное скопление ветхих белых домов, тянувшихся бесконечными рядами после Медельской бухты. По дороге она обогнала вереницу французских автобусов, на крышах которых находились груды домашнего скарба. Потом ее саму обогнал немецкий автобус. Какой-то БМВ с испанскими номерами петлял по дороге между полосами, как заяц, и в конце концов едва не столкнулся с «сеатом». Анника едва увернулась от него, спрашивая себя, что такое эта «лаканьяда».

Выехав на платную дорогу, Анника облегченно вздохнула – движение здесь было намного спокойнее. Дорога вилась вдоль горы над долиной и была достаточно широкой, в четыре полосы. Вдоль дороги густо стояли рекламные щиты ночных клубов и агентств недвижимости. Временами попадались старые запущенные сады. Новые жилые кварталы с гигантскими террасными домами крикливых расцветок стали появляться, когда Анника миновала пункт оплаты проезда. Скоро она была вынуждена вытащить из сумки темные очки. Солнце было таким ярким, что у Анники заболели глаза: небо было ослепительной синевы, долина – ярко-зеленой, дома – пастельными, а море блистало, как отполированное зеркало.

Перед самой Марбельей, не доезжая торгового центра, напоминавшего Кунгенскурва, дороги опять слились, и движение стало таким же безумным, как прежде. Анника свернула вправо и так ехала до развилки, чтобы не попасть в Эстепону.

После съезда к населенному пункту Истан шоссе делало длинный поворот к морю. Застройка стала плотнее. Анника подумала, что скоро надо будет повернуть и попытаться найти отель. В тот же миг она увидела гостиницу слева. На вознесенном к небу щите было написано HOTELPYR.com.

Вот черт, подумала Анника и свернула к арене боя быков.

Отель «Пир» находился в Пуэрто-Банусе. Свободные номера в нем были. Анника выбрала угловой номер на третьем этаже с видом на шоссе.

– Вы знаете, как добраться до лаканьяды? – спросила она у портье.

– «Ла Каньяды»? Это торговый центр. Огромный центр на дороге в Малагу. Вы его не пропустите. Поезжайте в сторону Охена.

А, подумала Анника, это то самое циклопическое сооружение, похожее на Кунгенскурва. Анника посмотрела на часы. Было половина второго.

Она вернулась в машину.

Нужный съезд она, конечно, пропустила.

Комплекс мелькнул слева в тот самый момент, когда Аннике показалось, что она слишком долго едет. Несмотря на охватившую ее панику, ей удалось развернуться и проехать к торговому центру по платной дороге. В джунглях непонятных рекламных объявлений и указателей и электронных табло на испанском языке она все же добралась до съезда, пользуясь которым она смогла поменять направление движения и выехала прямо к больнице Коста-дель-Соль.

Только после того, как она въехала на переполненную парковку торгового центра, Анника почувствовала, что плечи ее от напряжения почти достают до ушей. Она усилием воли опустила их, остановила машину за «ягуаром» с британскими номерами, недалеко от выезда.

Народу была тьма-тьмушая. Дни, оставшиеся до старого Нового года, были временем самых интенсивных покупок. Анника прочитала об этом в купленном в Арланде путеводителе. В Испании дети получают подарки не на Рождество, а на День Вознесения Богородицы, и теперь люди, дотянув до последнего, спешат сделать детям сюрпризы.

Температура в здании была такая же, как и снаружи, отметила Анника, идя по ослепительно-белому гранитному полу. Яркое солнце светило сквозь многочисленные стеклянные витражи, что создавало впечатление, будто находишься на улице. Анника откололась от основной массы посетителей и прошла мимо дюжины магазинов, знакомых ей по шведским торговым центрам: «Зара», «Манго», «Лакост» и «Сватч». Она принялась читать указатели и поняла, что случайно оказалась возле выхода к H&M. Никаких полицейских в толпе видно не было. Она отошла в сторону и прижалась спиной к витрине, чтобы ее не растоптали.

Прямо перед Анникой стоял огромный рождественский дед, упирившийся головой в крышу. Яркая зелень кафтана говорила о том, что он пластиковый. С потолка свисали шары диаметром метра два, а к колоннам склонялись пальмы. Они были такие некрасивые, что Анника решила, что они настоящие.

Анника взглянула на часы. Скоро они придут.

– Анника Бенгтзон?

Их было двое, уже по эху, отдававшемуся от этого оклика, стало ясно, что это типичные скандинавские полицейские. Один блондин, у второго волосы были пепельными. Оба в джинсах и удобных туфлях. Оба были хорошо тренированы, ибо среди здешних мужчин хорошая физическая форма была залогом авторитета.

Она протянула им руку и улыбнулась.

– Мы немного спешим, – сказал Кнут Гарен, – но все же пойдем в бар с видом на парковку.

Коллега Кнута представился как Никлас Линде. Он был швед из Верхнего Норрланда.

По эскалатору они спустились вниз и устроились у окна, откуда действительно была видна парковка на десять тысяч машин.

– Спасибо, что нашли для меня время, – сказала Анника и положила на стол блокнот и ручку.

– Ну, – сказал Кнут Гарен, – здесь все устроено так: контакты между испанской полицией и шведскими властями устанавливаются через нас. Мы синхронизируем это общение.

– Первое и самое главное, о чем я хочу спросить: нет ли у вас хорошего переводчика? – сказала Анника. – Естественно, со шведского на испанский, но если он еще знает английский, то это будет совсем здорово.

– Ты не говоришь по-испански? – спросил Кнут Гарен.

– *No mucho*, – ответила Анника. – *Comprendo un poquito*⁴.

– Карита, – сказал Никлас Линде. – Она шведка, она живет здесь, у нее семья. Она занимается литературным переводом, но если сейчас не занята, то сможет поработать с тобой. Мы дадим тебе ее номер.

Кнут вытащил из кармана мобильный телефон.

– Здесь произошла совершенно жуткая история с Сёдерстрёмами, – сказал он, листая телефонную книгу. – Газовые атаки стали обычными в этих местах давно, но никогда прежде никто не умирал от них. Вот смотри, Карита Халлинг Гонсалес. У тебя есть ручка?

Анника записала оба номера. Один из них был мобильный.

– Вы работаете по этому убийству? – спросила она.

– Расследованием занимается испанская национальная полиция, – пояснил Никлас Линде. – Мы не занимаемся оперативной работой.

– Мы сейчас заняты другой историей, – сказал Кнут Гарен. – Наверное, тебе стоит написать и об этом. Греко и Удиго на прошлой неделе доставили на склад в Ла-Кампане семьсот килограммов кокаина. Мы считаем, что этот груз они собираются переправить в Швецию.

– Греко? – переспросила Анника.

– Так испанцы называют связанные с наркотиками преступления и преступные группировки. У нас очень много хлопот с ними.

Кнут Гарен посмотрел на часы.

– Всего несколько вопросов о преступности, – обратилась к нему Анника. – Я читала, что Солнечный Берег называют также преступным берегом. Это преувеличение?

– Это с какой точки зрения смотреть, – возразил Кнут Гарен. – Здесь орудуют четыреста двадцать преступных организаций. Они занимаются чем угодно – от торговли гашишем, контрабанды кокаина, угона автомобилей до торговли людьми и нелегального игорного бизнеса. За год в Малаге происходит тридцать зарегистрированных убийств. Процветает проституция, в которую вовлечены более сорока тысяч человек. Есть около сотни известных борделей...

– Насколько обычны здесь преступления, связанные с применением газа?

– Абсолютно обычны, – ответил Никлас Линде. – Как правило, жертвами становятся иностранцы, но иногда нападают и на богатых испанцев. Зачастую жертву встречают в аэропорту, сопровождают до дома или до квартиры, а потом пускают туда газ, и, когда хозяева засыпают, дом обворовывают. Люди просыпаются в полностью обчищенной квартире, даже без обручальных колец, которые снимают с пальцев. Обычно после пробуждения жертвы плохо себя чувствуют, но я говорю не о последствиях применения газа.

– Я могу сослаться на тебя в статье?

– Да, но не упоминай моего имени. Мне не хотелось бы светиться.

Она испытующе посмотрела на него. Какова, собственно, его роль в этих делах?

⁴ Немного. Я понимаю немного (исп.).

– Мне казалось, что главными жертвами таких газовых атак становятся шведы, – заметила она.

– Да, за год таким нападениям подвергается до сотни шведов, – сказал Кнут Гарен и попросил официантку принести тарелку ветчины.

– Что вы думаете об этом конкретном преступлении? – спросила Анника.

Полицейские переглянулись.

– Я спрашиваю о наличии газовой сигнализации. Я слышала, что в Новой Андалусии у всех есть газовая сигнализация...

– Есть данные о том, что в данном случае был использован не совсем обычный газ, – пояснил Никлас Линде.

– Не знаю, стоит ли нам. – начал Кнут.

Никлас наклонился к столу и заговорил, понизив голос.

– Жертвы, когда обнаружили их трупы, находились не в постелях, – сказал он. – Женщины лежали у двери, мужчина – возле письменного стола. Газовая сигнализация сработала, видимо, она их и разбудила, но не спасла.

– А дети? – делая над собой усилие, спросила Анника.

– Дети находились в коридоре, у двери родительской спальни. Бабушка детей, пенсионерка, была единственной, кто умер в постели. Не знаем, может быть, она просто не смогла встать.

Анника лихорадочно думала. Она не собиралась спрашивать о деталях – таких, как имена жертв или их возраст, – эти данные можно найти в новостных бюро.

– Как преступники пустили газ в дом?

– Через вентиляционную систему в задней части дома. Термостаты отопления были поставлены на двадцать градусов, но в ту ночь на улице было холодно, не больше восьми – десяти градусов. Когда температура вне дома падает, циркуляция теплого воздуха включается автоматически, и одновременно газ поступает в дом.

Анника заглянула в свои записи.

– Наверное, это странный вопрос, но что делал мужчина за письменным столом?

Она не смогла заставить себя назвать его по имени.

– Письменный стол стоял точно под вентиляционным отверстием, – объяснил Никлас Линде. – Рядом с трупом нашли одеяло. Впечатление такое, что он видел газ, поступающий в комнату, и хотел заткнуть отверстие одеялом, но это только усиливает странное впечатление от этого случая.

Полицейские замолчали и снова переглянулись.

– Что? – спросила Анника. – Почему?

– Обычные усыпляющие газы, такие как гексан, изопропан и двуокись углерода, прозрачны, – ответил Никлас Линде. – Если бы применили их, то никто бы не заметил.

Анника записала названия газов, надеясь, что не сделала при этом ошибок.

– Но в данном случае применили что-то другое. Что именно?

Никлас Линде покачал головой:

– Газ оказался более мощным, чем обычно, он убил их, когда они бодрствовали и пытались бежать. Вероятно, газ был видимым. Или это был аэрозоль, или дым.

Анника вздрогнула.

– Значит, они умерли очень быстро?

– Во всяком случае, они были сразу парализованы.

– И дети тоже?

Полицейские не ответили, а Анника почувствовала ком, подступающий к горлу. Что еще она хотела узнать?

– Кто их обнаружил? – спросила Анника и принялась листать блокнот, стараясь справиться с комом в горле.

– Горничная. Она работает у них пять дней в неделю и открывает дверь своим ключом.

– Она не могла их отравить?

– Если бы она хотела их ограбить, то могла сделать это на прошлой неделе, когда хозяева были во Флориде.

– Значит, что-то было украдено?

– Все более или менее ценное. Исчез сейф. Воры, или лучше назвать их убийцами, разбили стену, в которую был вмурован сейф, и унесли его, вероятно не открывая. Исчезли произведения искусства, все компьютеры и мониторы и другая электронная аппаратура, все украшения и наличные деньги. Они потратили на это уйму времени.

– Что значит «уйма времени»? – спросила Анника.

– Двадцать минут на сейф и немного больше на все остальное.

– Известно, когда это случилось?

– Убийцы подошли к дому в 3 часа 34 минуты.

Анника округлила глаза:

– Откуда это известно?

– Тревожная сигнализация включается, когда открываются ворота.

– Но как они открыли ворота, перерезали провода?

Кнут Гарен посмотрел на часы.

– У меня только одно объяснение – преступники знали код. – С этими словами он встал.

Анника осталась сидеть за столом, когда полицейские ушли. Она уже поняла, что значит звонить с парковки в этой стране.

Начала она с домашнего номера Кариты Халлинг Гонсалес.

Ответа не было.

Тогда Анника позвонила на мобильный, и после четвертого гудка по-испански ответил женский голос:

– Да, говорите.

– Карита Халлинг Гонсалес?

В трубке были слышны детские крики и смех.

– Это я.

– Меня зовут Анника Бенгтзон. Обратиться к тебе мне посоветовал Кнут Гарен. Я корреспондент газеты «Квель-спрессен», и мне на несколько дней нужна помощь переводчика. Ты действительно переводишь со шведского на испанский?

– Вы можете вести себя тише? – крикнула женщина, прикрыв рукой трубку. Детский смех немного стих. – Да, я перевожу, – ответила женщина в трубку. – Но как раз сегодня я сильно занята. Завтра праздник, ты понимаешь. Сейчас я в Меркадоне... Нет, вы у меня дождетесь!

Анника потерла большим и указательным пальцем переносицу, набираясь терпения.

Ей придется спрашивать о многих именах, как неуклюже будет она выглядеть.

– Какого рода будет твое поручение? – спросила Карита Халлинг Гонсалес.

– *Здесь свободно?*

Анника подняла глаза и увидела трех толстых женщин, устремившихся к пустым стульям за столом Анники.

– *Нет*, – сказала по-испански Анника и опустила телефон. – *Не свободно.*

Женщины тем не менее принялись рассаживаться.

– *Не свободно!* – заорала Анника и стукнула кулаком по столу. Женщины с обиженным видом встали и ушли в другой конец бара.

Когда попадаешь в Испанию, води себя как испанцы, подумала Анника и поднесла трубку к уху.

– Я приехала сюда с поручением расследовать убийство, – сказала она. – Речь идет о шведской семье, о Себастиане Сёдерстрёме, его жене и детях. Ты ничего не слышала об этом убийстве?

– Слышала, помилуй бог, – ответила Карита Халлинг Гонсалес, – я узнала об этом только сегодня утром. Это просто ужасно. Мы прямо-таки чувствовали, что это произойдет. Здесь так много газовых нападений.

Анника записала цитату.

– Ты была знакома с этой семьей?

– С Сёдерстрёмами? Нет, так нельзя сказать. Хотя я, разумеется, встречалась с ними. Наши дети ходят в одну школу.

– Что это за школа?

– Международный колледж Марбельи. Так что от меня нужно, что я должна делать?

Анника едва не рвала на себе волосы. Она не любила ездить за границу и всегда насколько возможно откладывала такие поездки. Кроме того, она никогда не работала с переводчиками.

– Я слишком плохо говорю по-испански, едва ли люди меня поймут. К тому же я никогда не была в Испании. Мне нужна помощь в очень простых вещах: общение с людьми, посещения нужных мест и учреждений...

– Мне надо поговорить с Начо, – сказала Карита, – может быть, я ему зачем-нибудь нужна. Сейчас у него, понятно, очень много пациентов.

– Начо? – спросила Анника.

– Начо – это мой муж, он детский врач. Можно я перезвоню тебе позже?

Анника откинулась на спинку стула и положила мобильный телефон на стол. Надо позвонить Патрику, хотя это будет совершенно пустой разговор.

Она прикрыла глаза и прислонилась головой к стене.

Она и в самом деле страшно устала. Когда в четверть четвертого утра зазвонил будильник, ее чуть не вырвало. Сейчас она чувствовала, как голова клонится набок, отвисает челюсть и она неотвратимо засыпает. Приятная истома разлилась по телу, и Анника, чтобы и в самом деле не уснуть, резко встряхнулась, несколько раз энергично моргнула и снова взялась за телефон.

Патрик, разумеется, ответил сразу.

– Я успела сделать пару вещей, – сказала она, не потрудившись объяснить, что она уважает запрещение пользоваться мобильной связью в самолетах. Впрочем, такие глупости не интересовали Патрика, и он понимал, что трудно принимать посетителей на высоте десять тысяч метров. – Я записала некоторые детали газовых отравлений, – сказала она, – и нашла в Сети нечто новое. Я поговорила с мамой, чьи дети ходили в одну школу с детьми погибших. Так что, может быть, я что-нибудь узнаю о семье и ее образе жизни.

Она зажмурила глаза, набрала в легкие побольше воздуха, надеясь, что без запинки произнесет клише «Идиллия и шок».

– Идиллия и шок? – переспросил Патрик. – Да, ты для того и поехала, чтобы описать панику в шведской колонии.

«Я поехала?» – саркастически подумала Анника.

– «Идиллия и шок» – это рабочее название, – сказала она. – Каждое слово должно быть пропитано потрясением.

– Гм, – скептически хмыкнул Патрик.

Два гудка в трубке сказали Аннике, что кто-то пытается до нее дозвониться.

– Все, мне пора заканчивать, – сказала она и переключилась.

Звонила Карита Халлинг Гонсалес:

- Ну вот, все уладилось. Я могу приступить. Моя цена – сорок евро в час плюс издержки.
- Хорошо, – сказала Анника, посчитав, что это нормальная такса. – Что ты подразумеваешь под издержками?
- Если, например, я буду тебя возить, то мне придется оплачивать бензин.
- У меня есть машина, – сказала Анника. – Или, лучше сказать, «форд». Мы можем приступить сегодня?
- Ой, подожди, полицейская машина...
- В трубке раздался шум, потом надолго наступила тишина.
- Карита? – на всякий случай произнесла Анника.
- Прости, они проехали. Здесь запрещено говорить по телефону за рулем. Начо на прошлой неделе налетел на штраф в шестьдесят евро. Где ты находишься?
- В «Ла-Каньяде», – ответила Анника.
- Там сегодня жуткая толчея. Мы встретимся там или где-нибудь в другом месте?
- Я живу в отеле под названием «Пир». Он расположен...
- Мы можем встретиться в «Пире», скажем, через четверть часа? До скорого!
- Подожди! – крикнула Анника. – Ты не можешь захватить с собой каталог школ?

Карита Халлинг Гонсалес выглядела в точности так же, как женщины, ходящие на шопинг в «Ла-Каньяду»: маленького роста, светловолосая и загорелая. Она была немного старше Анники. В ушах у нее висели золотые сережки, на руке – звонкий наборный браслет. Одета она была в облегающий свитер, на плече висела сумка под леопарда.

– Как интересно, – заговорила переводчица, сердечно поздоровавшись с Анникой и подкрасив губы помадой. – Чем мы займемся сначала?

– Сначала мы поедем на виллу, где они жили. Ты знаешь, где она находится?

Карита Халлинг Гонсалес наморщила лоб.

– Где-то в Новой Андалусии, – сказала она, подумав. – У тебя нет точного адреса, supermanzana?

Анника недоуменно уставилась на Кариту: какое еще суперяблоко?

– Это квартал, блок домов, а не яблоко, – сказала, смеясь, переводчица.

– А, вот оно что, – смутилась Анника и принялась листать блокнот, пока не наткнулась на выписку Берит из «Белых страниц».

– Лас-Эстрельяс-де-Марбелья, – прочитала она.

– Звезды Марбельи, – сказала переводчица и покачала головой. – Не имею ни малейшего представления, где это находится. Надо позвонить Рикарду.

– Мармену?

– Ты его знаешь? – удивленно спросила Карита Халлинг Гонсалес.

– Рикарда знают все, – сказала Анника и принялась искать номер его телефона.

Да, Рикард приблизительно знал, где находится Эстрельяс-де-Марбелья. Когда-то у него был салон интерьера, в котором продавали не очень старинные вещи, и у него было несколько заказов в Эстрельясе до тех пор, пока предприятие не прогорело.

Карита нарисовала маршрут в блокноте Анники.

– Спасибо, золотце, – сказала она и передала телефон Аннике.

– Кто поведет машину – ты или я? – спросила она.

– Веди ты. Мне всегда трудно ориентироваться по этим планам. Что у тебя с пальцем?

Она взглянула на шрам на указательном пальце Анники.

– Порезалась.

Они сели в машину и выехали на шоссе.

– Сейчас прямо, мимо арены для корриды, – сказала переводчица, указав направление пальцем с ярко накрашенным ногтем. – Что ты собираешься писать в статьях?

– Я уже познакомилась с двумя полицейскими, которые поделились некоторыми подробностями убийства, – ответила Анника. – Теперь я хочу посмотреть на дом, чтобы описать его и окрестности. Может быть, удастся поговорить с соседями. Я надеюсь поговорить со шведами, которые там живут, узнать, как повлияло это происшествие на их жизнь, кто, по их мнению, мог...

– Совершить убийство? – закончила за нее Карита.

Аника скосила глаза на сидевшую рядом с ней женщину.

Она смотрелась в боковое зеркало и ковыряла зубочисткой в зубах.

– Полиция не считает, что был применен обычный газ. Воры применили газ какого-то иного типа, причинивший жертвам почти мгновенную смерть.

На несколько мгновений она задумалась.

– Собственно, они называют преступников не ворами, а убийцами.

– Это ужасно, – сказала переводчица. – С кругового перекрестка уходим налево.

Улицы вились по городу между высокими каменными стенами и тесно растущими кипарисами и купами гибискуса и бугенвиллеи. За стенами и растительностью мелькали террактотовые черепичные крыши, висячие сады и аккуратно подстриженные газоны.

– Какие большие дома, – сказала Аника, глядя на пробежавший мимо пейзаж через ветровое стекло.

– И очень дорогие, – заметила Карита Халлинг Гонсалес. – Вот этот, например, выставлен на продажу за девять с половиной миллионов.

Аника оценивающе посмотрела на дом с черными коваными воротами, мимо которого они проезжали.

– Это, разумеется, дорого, – сказала она, – но столько же стоила наша вила в Юрскольме.

– Это же не в кронах, а в евро, – поправила Аннику переводчица и посмотрела в план. – Здесь, думаю, надо повернуть направо.

Они проехали около километра. Переводчица внимательно осмотрелась.

– Этот квартал, видимо, построен недавно, – сказала она и протянула руку влево. – Мне кажется, я его ни разу не видела. Давай рискнем и поедем туда. Ой-ой, какая яма на дороге...

Аника резко вывернула руль, чтобы не въехать в громадную выбоину посреди дороги.

– Господи, – в сердцах произнесла она. – Как они только терпят такие дороги!

Карита Халлинг Гонсалес вздохнула.

– Несколько лет назад в тюрьму посадили все руководство местного муниципалитета. На ремонт этой дороги наверняка были выделены деньги, причем неоднократно, но на эти деньги местные шишки делали ремонты у себя дома, оплачивая услуги дорожных и строительных контор. Да, это здесь.

После поворота открылись шикарно-кричащие ворота, напоминавшие о старых вестернах. *Las Estrellas de Marbella* значилось золотыми буквами на арке ворот. На вершине арки каменный ангел с мраморными крыльями играл на арфе. Два розовых каменных льва с хищно раскрытыми пастьми беззвучно рычали на мир.

– Господи, – изумилась Аника. – Такой безвкусицы я не видела ни разу в жизни.

– Это преходяще, – возразила переводчица. – Пройдет несколько лет, и у людей вырабатается иммунитет к безвкусице.

Она открыла дверцу и выбралась на улицу.

– Хотелось бы знать, как сюда войти.

После недолгих поисков они обнаружили панель кодового замка рядом с одним из каменных львов. Аника показала панель переводчице, и та набрала какой-то номер, но безрезультатно.

– Надо подождать, пока кто-нибудь придет, – предложила она.

Анника заглушила двигатель, взяла фотоаппарат и вышла под неласковые лучи послеполуденного солнца.

– Какая холодная погода, – сказала она. – Здесь всегда такая?

– С ноября по март, потом становится по-настоящему тепло.

Анника сделала несколько снимков ворот.

– Ты давно здесь живешь?

Карита Халлинг Гонсалес наморщила лоб и принялась загибать пальцы.

– Скоро будет семь лет, – ответила она. – Мой муж родом из Колумбии, но там, по разным причинам, мы жить не смогли, поэтому сначала мы переехали в Швецию, но и это тоже не прошло. Ты знаешь, каково приезжему в Швеции?

Анника покачала головой и прислушалась. Ей показалось, что она слышит шум приближавшегося автомобиля.

– Начо, прекрасный детский врач, не мог найти даже работу продавца газет. Агентство по трудоустройству отправило его на курсы санитаров. Ты слышала о такой глупости?

Серебристый «ягуар»-кабриолет подъехал к воротам. Сидевший за рулем мужчина с пышной шевелюрой нажал кнопку на пульте, и створка ворот поднялась. Анника и Карита сели в машину. Карита благодарно махнула мужчине в «ягуаре», и они проехали на территорию квартала.

– Короче говоря, мы переехали сюда на постоянное жительство, – продолжила она рассказ. – Начо работает в детской больнице. Все прекрасно. Это место немного похоже на южную Калифорнию.

Она снова взглянула на план:

– Это здесь. Дом находится слева от дороги, на холме.

Вскоре они увидели дом – тяжелый и мощный. Он стоял в тупике, фасадом на юг – к морю и горам. Подъезд был заблокирован – отчасти воротами, отчасти полицейским ограждением.

Анника припарковала машину у тротуара, проехав к развороту, упиравшемуся в заросший травой пустырь с треснутым фундаментом. Они вышли из машины, Анника достала фотоаппарат. Немного волнуясь, они направились к вилле.

Подъездная дорога вела к воротам, а за ними сворачивала к навесу стоянки. Под навесом стояли две машины. Сам дом располагался напротив ворот, в глубине участка. Он вздымался к небу своими двумя и тремя этажами, расположенными в обдуманном беспорядке наброшенными небрежно складками. Дом был украшен террасами и балконами, эркерами, колоннами и пилястрами самой разнообразной формы, бетонными балюстрадами и крытыми железом башенками. Здание венчала главная башня со сводчатыми окнами, выходившими на все четыре стороны света. Двор был засажен фруктовыми деревьями и пальмами. Перед домом располагался большой каменный бассейн. Весь участок закрывала тень. Анника сразу заметила, что со стороны гор веяло прохладой. Она сделала еще несколько снимков дома на фоне заходящего солнца.

– Ты не знаешь, как долго жила здесь эта семья? – спросила Анника, обхватив себя руками, чтобы согреться.

Карита посмотрела на дом.

– Нельзя сказать, чтобы долго, – ответила она. – Участок новый.

– Но посмотри на деревья, – возразила Анника. – Они уже большие.

– Люди здесь покупают пальмы десятиметровой высоты. Доставляют их специальными трейлерами. Где-то здесь, наверное, есть и звонок. – Она нажала нечто похожее на выключатель, расположенный на столбе ворот.

Через несколько секунд открылась входная дверь и с крыльца спустился человек в полицейской форме. Карита Халлинг Гонсалес помахала ему рукой. Анника спрятала камеру за спину. Человек в форме подошел к воротам и остановился за ограждением.

Карита обратилась к полицейскому на беглом испанском, и он что-то раздраженно ей ответил. Карита ткнула пальцем в направлении Анники и продолжала о чем-то просить, то и дело повторяя *Suecia* и *amiga*⁵. Другие слова Анника не понимала. Полицейский немного смягчился, но тем не менее несколько раз покачал головой: *hoy no, impossible, manana si*⁶.

– В дом можно будет зайти завтра рано утром, – сказала Карита, подхватила свою подопечную под руку и заботливо обняла за плечи. – Я сказала ему, что ты их подруга из Швеции, что ты совершенно потрясена случившимся, хочешь войти в дом, чтобы попрощаться с дорогими тебе людьми...

– Я обычно не лгу о своих целях и никогда не скрываю, кто я, – сказала Анника, у которой сразу испортилось настроение.

– Думаю, что этот сержант не читает «Квельспрессен», – сказала Карита и пошла к машине.

Анника положила в багажник камеру и собралась сесть за руль, когда зазвонил телефон. Она посмотрела на дисплей.

Звонил Боссе.

Боссе?

– Алло, – нерешительно произнесла она.

– Анника? Это Боссе, Боссе Свенссон.

Корреспондент конкурентов, с которым у нее был серьезный флирт. У нее даже остался номер его телефона.

Она отошла от машины на пару шагов к пустырю и тихо спросила:

– Что случилось?

– Слушай, – ответил он, – я звоню по делу. У меня в руках фотография, и я хочу, чтобы ты ее как-то прокомментировала.

Молчание.

– Что? – произнесла наконец Анника. – Что за фотография? О чем ты говоришь?

– У меня есть твоя фотография, ты стоишь у входа в ресторан и тискаешься со статс-секретарем министерства юстиции.

Анника потеряла дар речи, но всего на мгновение.

– Тискаюсь? – переспросила она. – Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что на снимке вы обнимаетесь и ласкаетесь.

Анника снова лишилась дара речи.

– Ласкались? С Халениусом?

– Да, и я даю тебе возможность это прокомментировать.

Она зажмурилась и провела ладонью по лбу.

Испанский поцелуй в обе щеки перед тем, как она села в такси.

Толпа горланящей золотой молодежи с мобильными телефонами в руках.

Она тяжело вздохнула.

– Вы хотите опубликовать эту фотографию в своей газете?

– Да, у нас есть такое намерение.

– И ты хочешь, чтобы я ее прокомментировала?

– Да, это твой единственный шанс объясниться.

У нее немного заложило нос, и она высморкалась на тротуар.

– Хорошо, вот мой комментарий: я просто счастлива, что не стала трахаться с тобой, Боссе. Я слышала, что ты ни к черту не годишься в постели. Отсылаю тебя к закону о защите источников. С кем я говорила, о чем мы говорили и как мы это делали, не противоречит основ-

⁵ «Швеция» и «подруга» (*исп.*).

⁶ Сегодня – нет, возможно, завтра (*исп.*).

ному закону. У меня нет ни малейшего намерения нарушать конституцию ради того, чтобы ты мог и дальше оставаться в профессии.

В трубке повисло долгое молчание. Анника слышала редакционный гвалт на другом конце. Она понимала, что Боссе играет с ней. Она не собиралась говорить то, что потом можно будет обработать как угодно и вставить куда угодно – в передачу сетевого радио, например, или подsunуть ее руководству.

– У меня, кроме того, есть сведения, что во время вашей встречи вы выпили много вина. Это так?

– Я никогда не пила вино с тобой, Боссе. Тебя это сильно обидело?

– Значит, ты не хочешь ничего комментировать?

– Ты женат, не так ли? – спросила Анника. – У тебя жена и трое детей в Мелларене?

Снова наступила тишина.

– Анника, – произнес он наконец, – это действительно серьезно. Мы собираемся об этом писать. У нас есть данные о том, что Халениус в это время должен был находиться в министерстве, но он пренебрег своими обязанностями, пошел в ресторан, где пил и флиртовал. Ты, которая всегда задирала хвост, кичась своей журналистской неподкупностью, разве не понимаешь, как это ударит по твоей репутации?

– Скажи, Боссе, ты звонишь мне по доброй воле или тебя заставили?

Он вздохнул. Анника услышала щелчок. Очевидно, он выключил магнитофон.

– Ты понимаешь, что мы потребуем объяснений от министерства юстиции? – спросил он. – Мы предъявим ресторанный счет, чек такси. Мы используем все.

– То есть это была твоя идея – позвонить и сказать, какое значение это будет иметь, потому что никак не можешь переступить через себя и мстишь мне. Или, если тебе приказали это сделать, ты настолько лишен гражданского мужества, что не смог отказаться. Мы квиты?

– Тебе не удастся вывернуться, – пригрозил Боссе.

Она отключилась.

– Проблемы? – спросила Карита Халлинг Гонсалес.

– Косвенные, – сказала Анника и представила себе мину Томаса, когда он завтра откроет газету конкурентов. – Может быть, пообедем соседей?

Дверь открыли немногие.

Никто ничего не видел.

Никто не хотел ничего говорить.

Солнце приблизилось к горизонту.

– Куда поедет теперь? – спросила Карита, когда они выехали на дорогу, ведущую к шоссе.

– Куда-нибудь в такое место, где есть шведы, которые захотят поговорить с корреспондентом вечерней газеты, – ответила Анника.

– Значит, нам надо в ресторан «Ла-Гаррапата», – уверенно произнесла Карита. – Это слева.

Анника повернула, а переводчица положила руку ей на плечо.

– Осторожно. – Она показала на красный «лендровер», показавшийся справа. – Он очень опасно ездит. На поворотах совсем невнимателен. Привык к левостороннему движению.

Это было действительно так, водитель проехал прямо под носом у Анники, даже не взглянув в ее сторону. Анника ударила по тормозам и посигналила, но водитель в ответ лишь показал ей средний палец.

– Вождение не становится лучше от беспробудного пьянства, – заметила Карита. – Куда пойдём – в гольф-клуб или в ресторан?

– Только не в гольф-клуб, – ответила Анника.

Она вспомнила определение Свена: «Гольф – это самая легкая в мире игра – бить надо по неподвижно лежащему мячу».

Переводчица помогла Аннике проехать по извилистым улицам мимо полей для гольфа, вилл и гигантских жилых комплексов. Все напоминало – правда, в больших масштабах – дом семьи Сёдерстрём. В этом районе не было ни уюта, ни вкуса. Анника как зачарованная посмотрела на четырехэтажное здание в золотистых и белых тонах, выглядевшее как только что испеченный торт. Дорога вела к дому и поднималась вверх, к парковке, расположенной на крыше дома. Рядом стоял фисташково-зеленый дом с розовой крышей и пятью золотыми куполами.

– Это тоже похоже на южную Калифорнию? – спросила Анника.

– Мишурностью скорее напоминает богатые районы Лос-Анджелеса, – ответила Карита. – Я росла в Беверли-Хиллз. Здесь Европа в наибольшей степени приблизилась к Штатам. Что нового говорят полицейские о преступлении? У них есть какой-нибудь след?

Анника вспомнила, что толком не ответила на этот вопрос, и ей стало неловко.

– Они не хотят говорить мне ничего лишнего, – торопливо произнесла она. – Кстати, что за люди собираются в этом ресторане?

Карита задумалась.

– Обычные люди, те, кто устал от шведского климата, другие приезжают сюда из-за детей, третьи продают дома в Швеции, покупают здесь недвижимость, бездельничают, пьют вино и играют в гольф. Что будет делать тот высокий автомобиль? Черт, он едет. Спускайся в реку.

Анника остановила машину.

– Что?

– В реку. Это русло реки с бетонированным дном. По ней мы легко выедем на Н340. Здесь всегда пробки из-за дорожных работ.

По лицу Анники скользнуло недоверчивое выражение. Карита его заметила.

– Не волнуйся, там не глубоко.

Анника осторожно преодолела бордюр и травяной газон и въехала в реку.

Глубина воды и в самом деле не превышала пары дециметров. Проехав по руслу реки несколько десятков метров, они выехали на другую сторону шоссе.

– Сколько же новых дорог вы строите, – сказала Анника и посмотрела в зеркало на скопление дорожной техники.

– Н340 – новая дорога? Она была построена еще римлянами и до сих пор ни разу не реставрировалась. Мы приехали, можешь парковаться.

– Здесь, на переходе? – изумилась Анника, но Карита уже вышла из машины.

Они находились в старом районе с белыми домами рядовой застройки. Анника взяла с собой камеру и вспышку и вслед за переводчицей направилась к ресторану.

– «Ла-Гаррапата», – прочитала Анника на вывеске над входом, возле которого на щите было написано меню на трех языках – шведском, английском и финском. Что значит «ла гаррапата»?

Карита поправила прическу.

– Это означает «клещ». Почему кому-то понадобилось называть ресторан именем кровососущего паука, я понять не могу, но такова данность.

«Ла-Гаррапата» оказался весьма скромным заведением. Стекла дверей были вставлены в алюминиевые рамы, которые гремели и дребезжали, когда их открывали. Внутренние поверхности окон запотели. Карита вошла в ресторан и тут же издала тихий восторженный вопль. Она сразу принялась целоваться со знакомыми, подставляя сначала правую щеку, а потом левую, точно так, как показал ей Джимми Халениус.

Фотографии не могли получиться убедительными, подумала Анника. Было темно, никто не пользовался вспышкой, да и между ними не происходило ничего серьезного.

Она осмотрелась.

Они находились в обеденном зале с тридцатью столиками и баром, за которым могло усесться человек двадцать. На большом экране, висевшем на стене, транслировались передачи шведского телевидения.

– Это Анника Бенгтзон. – Карита представила гостям ресторана Аннику. – Ее прислали сюда из редакции газеты «Квельспрессен», чтобы написать о несчастной семье Сёдерстрём, и теперь она хочет, чтобы вы рассказали о ней... Лассе, ты знал Себастиана! Давай мы послушаем тебя!

В ресторане наступила мертвая тишина. Анника чувствовала, что краснеет. Она не привыкла так работать. Обычно она очень обходительно, медленно, но верно сближалась с человеком, у которого собиралась взять интервью. Взяла за правило всегда объяснять свои намерения настолько ясно, насколько это было возможно, чтобы человек не чувствовал, будто его заманивают в ловушку и хотят обманным путем что-то у него выведать. И делала это, потому что очень часто они считали, что Анника описала их недостаточно благожелательно.

Однако Лассе откашлялся, выступил вперед и начал рассказывать о своем друге Себастиане, рассказывать возвышенно и с чувством, не стесняясь присутствующих.

Это так не по-шведски, думала Анника и писала так быстро, что у нее заболела рука.

– Себбе вкладывался в любой спорт, – говорил Лассе, – он знал толк во всех его видах. То, что он играл в хоккей, было чистой случайностью. Он так же хорошо играл в гольф и теннис. Он знал об этом, знал о своем даре, сознавал его и хотел вернуть свой долг жизни.

Лассе шмыгнул носом, гости кивали, а многие вытирали глаза салфетками.

– Он всегда хотел делать что-то осмысленное со своими деньгами, со своим временем, – продолжил Лассе, – а не только чистить кубки, стоящие на полках. Именно поэтому он отбирал бедных, но способных детей в свой теннисный клуб, именно поэтому учредил команду «Френсис» – чтобы их тренировать. У него самого была возможность развиваться с детства, и он хотел, чтобы такая возможность была у всех.

Лассе заплакал.

– Я помню нашу последнюю встречу с Лео и Мю. Это было в канун Рождества. Себбе устроил теннисный турнир, победитель которого получил не только кубок и форму, но и место в международном колледже Марбельи, экзамен в который он мог держать по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Поднялся ропот, люди снова закивали.

– Да, – повторил Лассе, – место в колледже. Девочке, которая выиграла турнир, было десять лет. Этот приз обошелся Себбе в миллион, но он был лишь рад этому. «Она просто фантастична, – говорил он, – она обязательно добьется больших высот. Думаю, что я буду с восхищением следить за ней много лет, пока она не поступит в колледж и не сдаст свой экзамен...»

Многие женщины заплакали в голос.

Анника хотела достать камеру, но решила подождать, когда они выплачутся. Она наскоро перечитала запись. Кто такие Лео и Мю? Дети Себастиана?

Она посмотрела на часы. Все это не продлится долго. Нужно позвонить Никласу Линде и спросить, не напала ли полиция на след убийц. Ей надо было написать три статьи и пораньше лечь спать, потому что завтра тоже будет тяжелый день.

– У Себастиана была жена, – громко и отчетливо произнесла Анника. – Есть здесь люди, которые ее знали?

Поднялась светловолосая женщина с короткой стрижкой.

– Вивве была шведка, – сказала она, – поэтому мы все ее знали.

Почти все женщины энергично закивали.

Вивве была шведкой. Почему женщина особо подчеркнула этот факт?

Анника отметила в блокноте этот вопрос, продолжая смотреть вниз, чтобы не испытывать смущения, ожидая, что дальше скажет женщина.

– Несмотря на то что она была очень занята детьми, школой и Себастианом, Вивве всегда находила время для руководящей работы, и надо еще вспомнить, как она заботилась о своей маме и Сюзетте, не важно, была ли она здесь или нет...

– Она где-то работала? – спросила Анника, и женщина вздрогнула и слегка поджала губы.

– Да, Вивве работала, но здесь работа для женщины не так важна, как в Швеции, – сказала она и села.

«Какая досада, – подумала Анника, – я, кажется, наступила на очень болезненную мозоль».

– Я поняла, что семью Сёдерстрём хорошо знали и любили в шведской колонии в Испании, – сказала Анника со своего места, надеясь, что правильно выразила свою мысль. Видимо, да, она все сделала правильно, потому что в ответ на ее слова люди дружно закивали.

– Вероника жила здесь с самого раннего детства, – поддержала разговор пожилая женщина, сидевшая одна за столиком возле кухни. Перед ней стояла почти пустая бутылка вина. Анника едва не вывернула шею, чтобы увидеть ее.

– Вероника Сёдерстрём росла здесь, в Испании? – уточнила Анника.

Женщина провела пальцами по стакану. Взгляд ее бесцельно блуждал.

– Я приехала сюда одновременно с Астрид, ее мамой. Астрид всех заражала своей радостью, своим оптимизмом. Вероника была самой красивой девочкой, какую видывал свет. Она стала фотомodelью.

Пожилая дама погрузилась в свои воспоминания.

Должно быть, Астрид была погибшей тещей Себастиана.

– Сколько времени ты знала Астрид? – спросила Анника.

Женщина наполнила бокал.

– Почти сорок лет. Она была подружкой на моей свадьбе с Эдгаром и была рядом со мной, когда я в прошлом году его похоронила. Я пью за тебя, Астрид!

Дама осушила бокал, и Анника ощутила ком в горле. Она встала, подошла к столику женщины и села рядом с ней. Гости истолковали это как окончание массового интервью и принялись разговаривать друг с другом.

Анника спросила, как зовут женщину, сколько ей лет и можно ли ее сфотографировать.

Майя-Лиза – так звали женщину – было шестьдесят девять лет, и она согласилась сфотографироваться, если это нужно.

Анника сделала несколько снимков со вспышкой без всяких претензий на украшательство, ласково погладила женщину по плечу и пошла к Лассе, чтобы о том же поговорить с ним.

Он знал Себастиана пять лет. Они познакомились, когда Лассе начал играть в теннис в клубе Себастиана, клубе сравнительно небольшом – всего пять кортов, но с большими перспективами перехода в клуб «Эль-Мадроньяль». Сын Лассе был ровесником Мю и Лео, которым было пять и восемь лет, но Лассе развелся, и бывшая жена увезла ребенка в Швецию, и отец виделся с ним только на каникулах.

Женщина, знавшая Веронику, тоже была шведкой, знала ее мало, да и остальные гости не много могли сказать о погибшей семье.

Анника сфотографировала нескольких женщин, потом уговорила остальных гостей на групповой снимок и, осмелев, задала вопрос.

– То, что случилось, повлияет на вашу жизнь здесь? – спросила она.

Высокий блондин, который до сих пор молчал, встал и вышел вперед.

– Думаю, что случившееся подтвердило важность газовой сигнализации, – сказал он. – Как вам известно, я продаю первоклассные системы газовой сигнализации в магазине в Сан-

Педро, и те, кто до сих пор ее не установил, может это сделать теперь. Завтра мы работаем до двух часов...

Именно в этот момент Анника почувствовала, что с нее хватит.

Она нашла Кариту Халлинг Гонсалес. Переводчица была увлечена беседой с двумя мужчинами в светлых бриджах. Анника похлопала Кариту по плечу.

– Я готова, – сказала она, и переводчица тотчас поднялась.

Они расплатились, помахали на прощание присутствующим и вышли из ресторана.

– По-моему, все прошло хорошо, – сказала Карита, когда они сели в машину. – Куда мы теперь?

– Теперь мне надо садиться писать. – Анника повернула ключ зажигания. – Отвезти тебя домой?

– Это было бы очень любезно с твоей стороны, но ты сама никогда в жизни не найдешь дорогу к отелю. ОТЕЛЬ «Пир» находится здесь, за углом. Моя машина стоит недалеко, в гараже Корт-Инглес. Кстати, вот школьный ежегодник. Завтра подберешь меня на улице. Я буду стоять на парковке, хорошо?

– Да, – ответила Анника.

Она взяла переплетенную книгу, напечатанную на мелованной бумаге.

– Как понять слова, что Вероника была к тому же шведкой?

– Нет, она была членом шведской женской образовательной ассоциации. Отделения есть во всем мире. Моя мама была членом этой организации в семидесятых годах в Лос-Анджелесе⁷.

– Ты тоже состоишь в этой организации?

– Я? Нет, у меня на это нет времени. Сверни здесь.

Через минуту Анника притормозила у входа в отель.

– И еще один вопрос, – сказала она. – Как ты думаешь, смерть Сёдерстрёмов повлияет на жизнь шведской общины в Испании?

– Конечно, повлияет, – ответила Карита. – Теперь люди будут проявлять большую осторожность, чем до сих пор. Увидимся завтра!

Она закрыла дверцу машины и зашагала по тротуару в своих высоких сапогах.

Анника с наслаждением выдохнула. Люди станут проявлять большую осторожность, чем до сих пор.

Этой цитатой она и закончит статью.

Темнота сгустилась очень быстро. Со стороны шоссе доносился шум несущихся машин. Мощные желтые лампы, освещавшие дорожные работы, расчерчивали пол в номере на отчетливые квадраты.

Анника бросила сумку, фотоаппарат, пластиковый пакет со всеми книжками и картами на кровать и подошла к окну задернуть занавески.

Однако, прежде чем это сделать, она некоторое время постояла у окна, глядя на пестрый пейзаж.

За ее окном был виден опустевший теннисный корт. Два фонаря были разбиты, и почти вся площадка погрузилась в темноту.

С другой стороны шоссе здания взбирались вверх из долины к горному массиву. Свет лился из окон, с неоновых реклам, из ламп уличных фонарей, сиявших в темноте. Вдали был виден хребет Сьерра-Невады с двадцатью вершинами выше трех тысяч метров. Отроги хребта выделялись на фоне неба, как огромные черные языки.

⁷ Игра слов: svea по-шведски «шведка»; в данном случае употреблена английская аббревиатура шведской женской образовательной ассоциации SWEA (Swedish Women Educational Association). (Примеч. пер.)

Анника распахнула окно, и в лицо ей ударил ветер и запах выхлопных газов. Было еще тепло. Анника закрыла глаза.

Дети уже поели. Они бы сейчас сидели и смотрели «Болибому», но программу закрыли по какому-то закону. Эллен уже клюет носом, но, несмотря на это, не желает ложиться спать, а завтра с утра будет как зомби.

Она закрыла окно, взяла телефон и позвонила на мобильный Томасу. Он ответил очень сухо.

– Ужинаете? – примирительно спросила она.

– Мы с Софией позволили себе по бокалу вина, – ответил он. – Дети смотрят детскую программу. Что-то случилось?

Анника села на кровать и подтянула колени к подбородку.

– Мне просто захотелось с ними поговорить.

Он театрально вздохнул и крикнул:

– Калле, мама зовет к телефону!

Анника услышала, как мальчик ответил: «Но сейчас будет «Спортивное зеркало»!»

– У тебя появился серьезный конкурент, – сказал Томас в трубку, но через секунду она услышала топот детских ножек и треск на линии.

– Привет, мама, – сказала Эллен.

У Анники опустились плечи и сжалось сердце.

– Привет, старушка, ты не заснула на диване?

На другом конце наступила небольшая заминка.

– Ну только чуть-чуть. Мама, можно мы заведем собаку?

– Собаку? Но мы не можем ее завести, у нас для этого слишком маленькая квартира. Собаке будет негде жить.

В ответе девочки прозвучало искреннее удивление.

– У Анны есть собака, рыжая, а она живет в еще меньшей квартире.

Анника подавила вздох. Этот разговор начинался всякий раз, когда у кого-то из детей в садике появлялся питомец.

– Это очень хорошо, что ты любишь животных, я тоже их люблю, но мы должны подумать и о них тоже. Вы же играете с Зико, когда бываете у бабушки и дедушки в Ваксхольме. Вам же это нравится?

– Зико очень добрый.

– Он очень добрый. Что ты сегодня делала в садике?

Девочка, видимо, добрый час проспала перед телевизором, испытывала теперь прилив бодрости и принялась с воодушевлением рассказывать, чем занималась днем. Когда двукратный чемпион мира по борьбе Ара Абрамян окончил свое телевизионное интервью, пришел Калле и рассказал все остальное. Никаких неприятностей, никаких травм, ничего, что потребовало бы от нее каких-то душевных усилий. Слава богу, сегодня с детьми все было хорошо.

Они долго обменивались поцелуями и пожеланиями спокойной ночи, прежде чем попрощались. Грудь Анники переполняла теплая печаль.

За окном было темно. Мимо, завывая сиреной, промчалась машина скорой помощи. Анника встала с кровати и задернула занавески, потом включила верхний свет и настольную лампу и поставила на стол ноутбук. Она не ощущала сейчас ничего, кроме парализующей усталости.

Сколько раз она уже ставила и убирала этот компьютер?

Каждый раз, когда она приходила и уходила с работы, каждый раз, когда возвращалась или покидала свой дом.

Анника ощутила боль в спине, когда села за стол. Стул невыносимо скрипел.

Она ввела пароль и логин, чтобы выйти в Сеть. Пятнадцать евро в сутки – это вполне терпимо. Несколько минут она поглаживала лоб ладонью, прежде чем приступить к работе, а потом взяла телефон и позвонила Патрику Нильссону.

– Анника, – закричал он, – где ты пропадала целый день?

– Сидела в кафе и пила кофе, – ответила она. – Я пришлю три статьи: «Газовое убийство», «Семья», «Конец идиллии». Все статьи будут снабжены фотографиями. Каким должен быть объем статей?

– Я не знаю, сколько у тебя материала.

– Какую площадь вы можете мне выделить?

– Три разворота плюс средняя колонка, столько же займут Берит и ребята из отдела спорта.

– Я пришлю все статьи сразу, чтобы вы могли сразу пустить их в работу. Первую ты получишь через час.

Они попрощались, и Анника набрала номер Никласа Линде.

Он ответил после четвертого гудка; на заднем плане звучала музыка диско.

– Слушай, у меня к тебе один короткий вопрос: испанская полиция нащупала какие-то следы преступников?

«Бум-бум-бум», – неслось из трубки.

– Я разочарован, – сказал он, и Анника прикусила губу. Что еще она сделала не так?

Какая-то женщина расхохоталась так, что напугала Аннику.

– Я надеялся, что тебе понадобится мое тело, а тебе нужен мой мозг.

Так вот он, значит, какой.

– Я думаю, что сержант Линде выпил слишком много красного вина с тех пор, как мы виделись днем, – сказала Анника и посмотрела на часы. Было половина девятого. Она вдруг ощутила страшный голод. Она не ела с самого утра, когда перехватила кусочек сыра в аэропорту.

– И еще пару бутылок игристого, – продолжил он. – Не хочешь послушать железно?

«Бум-бум-бум».

– Не сегодня, – сказала Анника. – Мне надо писать статьи.

– Но тогда, может быть, в другой вечер?

«Бум-бум-бум».

– Может быть. Есть ли какие-нибудь зацепки в расследовании?

Грохот и хохот в трубке стали просто невыносимыми. Аннике пришлось отодвинуть телефон от уха.

– Алло, – произнес Линде после недолгого молчания. Грохот стих, зато стали слышны звуки уличного движения.

– Алло, алло, слушаю, – отозвалась Анника. – Речь шла о следах.

– Дел еще очень много, – начал рассказывать Никлас Линде. – Найдены следы протекторов двух транспортных средств. Их типы идентифицированы. Обнаружены отпечатки обуви троих подозреваемых. Определены размеры обуви. Существуют и какие-то другие следы, но я, так как не участвую в расследовании, не имею к ним доступа.

– Значит, есть надежда, что полиция распутает это преступление?

– Это лишь вопрос времени. Кстати, ты сегодня ела?

– Э-э, нет, – ответила Анника, – но это...

– Где ты поселилась?

– В отеле под названием «Пир», он находится.

– О, черт, так ты в «Пире»? Я сижу в баре «Синатра», это в гавани, в трехстах метрах от тебя. Принести тебе что-нибудь подкрепиться?

Анника не смогла сдержать смех.

– Никаких шансов, парень, приятных сновидений.

Она закончила разговор, подняла трубку внутреннего телефона и позвонила портье.

В отеле не носят еду по номерам, приносим наши извинения.

В мини-баре продавали спиртное по заоблачным ценам, но с остальным было не очень. Анника купила два шоколадных пирожных и банку жареного миндаля. Забрав все это в номер, она наконец села писать статью о газовом убийстве.

Сославшись на анонимный источник в полиции, она написала, как преступники – три человека на двух машинах – открыли в три часа тридцать четыре минуты ворота виллы семьи Сёдерстрём, присоединили емкость с отравляющим веществом к системе вентиляции и по ней пустили в дом неизвестный газ. Дальше Анника изложила полицейскую версию о том, что в семье началась паника после того, как они поняли, что подверглись газовой атаке: как они проснулись от звука газовой сигнализации, как из вентиляционных отверстий повалил дым или пар, как отец безуспешно пытался заткнуть отверстие простыней, как мать побежала к детской, чтобы вывести оттуда детей, как все они были мгновенно парализованы и в муках погибли. Как воры, а точнее, убийцы разбили стенку и извлекли из нее сейф, вынесли из дома все ценное и уехали с места преступления.

Анника описала положения тел в момент их обнаружения, рассказала о том, что полицейские нащупали след и теперь поимка преступников – это лишь вопрос времени.

Статья заканчивалась сравнительными свойствами газов, которые обычно используются при ограблениях.

Гексан: растворитель, который часто используют в промышленности. Как примесь содержится в бензине и других видах топлива. Обладает резким запахом. Для того чтобы усыпить человека, требуется довольно значительное количество газа.

Изопропан: растворитель, который используют в спреях, например, для создания морозозащитной пленки, в ополаскивающих и чистящих средствах. Обладает весьма резким запахом. Для того чтобы усыпить человека изопропаном, требуется несколько сотен граммов.

Двуокись углерода: углекислый газ, содержится в атмосфере в концентрации 0,03 процента. Для того чтобы усыпить человека, требуются большие количества газа, до килограмма, по этой причине его надо очень быстро и в большом объеме накачать в помещение.

Газы для наркоза: газы, которые применяются в медицинских целях, для анестезии. Примеры – эфран и изофлуран. Действуют надежно и быстро при малых концентрациях – порядка двух объемных процентов. При больших концентрациях могут быть опасными для жизни.

Веселящий газ: применяется в медицине и при экстремальном вождении для усиления двигательных рефлексов. Для усыпления требуются большие концентрации – 65–70 процентов.

Анника задумалась, каким образом сами преступники смогли избежать смерти. Наверное, у них были противогазы.

Хотелось бы знать, что делают сейчас конкуренты, подумала она, отослав статью в редакцию. Собственно, она должна была уже столкнуться с их корреспондентами, и если этого не произошло, то причин могло быть только две: либо она опередила всех, либо безнадежно отстала и пропустила что-то самое важное.

Но посмотрим, угрюмо подумала она и стала загружать фотографии с фотоаппарата в компьютер.

Зажужжал мобильный телефон.

Звонил Андерс Шюман.

– Слушай, – сказал он, – я тут имел странный разговор с одним репортером конкурентов. Ты действительно развлекалась в ресторане с какой-то шишкой из министерства юстиции?

– Нет, мы просто поужинали, и было это не поздно. Он сообщил мне кое-какие сведения, потом мы обменялись испанскими поцелуями в щечку и разъехались. Ты обеспокоен?

– Вовсе нет. У тебя все нормально?

– У меня все отлично, хотя работы, конечно, много.

– Хорошо, не буду тебе мешать.

Она отложила телефон в сторону.

Фотографии дома получились очень удачными. Он выглядел огромным и роскошным, отбрасывающим царственную тень на обширный пустырь.

Анника предложила и подпись: ПРЕСТУПНИКИ ЗНАЛИ КОД.

Немного посидев, Анника принялась за статью «Опрокинутая идиллия».

Она описала район, страх соседей, очевидную обеспокоенность постоянных посетителей шведского ресторана. Привела она и обе цитаты Кариты, хотя и анонимно:

«Это настоящий страх. Мы очень долго просто ждали, что будет дальше, а случаев газовых нападений становилось все больше и больше» и «Теперь люди станут намного осторожнее, это факт».

Эту статью она отослала со снимком шикарного фасада и портретами шведов с их краткими анкетными данными.

Теперь осталось самое трудное: статья о семье.

Она перешла на домашнюю страницу «Квельспрессен». На первом месте в www.kvaUspressen.se стояла беседа ведущего программы с каким-то политиком, потом следовали тошнотворные излияния звезды мыльного сериала, дальше – новости в порядке убывания важности. Газовое убийство стояло на седьмом месте.

Были помещены фотографии пяти жертв: Себастиан Сёдерстрём, 42 года, Вероника Сёдерстрём, 35 лет, Мю Сёдерстрем, 8 лет, Лео Сёдерстрём, 5 лет, и Астрид Паульсон, 68 лет. Фотографии были сомнительного качества и довольно старые.

Начала она с просмотра школьного каталога или, точнее, годового отчета, подготовленного международным колледжем Марбельи, взятого на время у Кариты. В этом ежегоднике все фотографии, связанные со школами, были приведены к одному стандарту и размеру. Были представлены все школы, их предметы, курсы и местоположение. Все эти сведения сопровождалось групповыми и индивидуальными фотографиями нарядных детишек в школьной форме.

Ей понадобилось несколько минут, чтобы найти школьные фотографии Лео и Мю.

На этом снимке Лео был значительно старше, чем на фото с домашней страницы газеты. У мальчика были непослушные светлые волосы и щербинка между передними зубами. Было видно, что это непоседа и шалун. Мю была одета в синее школьное платье, светлые волосы заплетены в аккуратные косички – от этого ангелочка было трудно оторвать взгляд.

Анника тяжело вздохнула, позвонила портье и попросила его отсканировать фотографии и прислать их на ее компьютер. Усталый портье с угрями на лице взял ежегодник и неохотно пообещал все сделать.

Жизнь семьи Сёдерстрём, без сомнения, выглядела вполне идиллической, но была ли она таковой на самом деле? Не было ли в ней чего-то потаенного и отталкивающего? Вероника состояла в руководстве женского объединения, а Себастиан занимался своими молодыми спортивными талантами. Лео был веселым шалопаем, а Мю – милой и аккуратной девочкой. От этой картины пахло таким стереотипом, что у Анники зачесалось в носу.

Она прикрыла ладонями глаза, чтобы избавиться от кружения предметов. До чего же она устала!

Потом она начала писать. Она писала о Себастиане и его стремлении отдать жизни то, что он получил от нее в избытке, о теннисных турнирах, на которых одаренные дети выигрывали путевки в жизнь, о преданности Вероники друзьям и семье, об оптимизме бабушки, о том, что она была моральной опорой семьи и в горе и в радости.

Под конец Анника вдруг заметила, что плачет.

Она отправила в редакцию последний текст и отсканированные школьные фотографии и пошла в ванную чистить зубы.

Последнее, о чем она подумала, был Джимми Халениус и фотография, которая появится завтра в газете конкурентов.

Она задумалась, чем это может ей грозить, но уснула, прежде чем нашла ответ.

Среда. 5 января

Шел дождь. Анника стояла перед воротами виллы семьи Сёдерстрём. За дождем она едва различала контуры дома. Казалось, откуда-то с неба спустились пляшущие занавеси, вдоль которых текли нескончаемые и плотные потоки воды.

– Этот солнечный берег иногда называют берегом осадков, – сказала Карита Халлинг Гонсалес и подошла к Аннике, спрятавшись под большой зонт. – Такой маленький дождичек, или как?

Она нажала выключатель, игравший роль звонка, и, прищурившись, посмотрела на дом.

– Ты уверена, что сегодня дежурит тот же полицейский, что и вчера? – спросила Анника. – Пропустит ли он нас?

Карина поудобнее ухватила сумку – сегодня клетчатую.

– Да, он, – ответила Карита. – В этом можешь быть уверена. – Она посмотрела на Аннику. – Правда, он не разрешит взять с собой твою большую камеру, – продолжила она. – Он сразу поймет, что мы пытаемся его провести.

Дверь на террасу открылась, и Анника метнулась к машине, чтобы положить камеры на заднее сиденье.

– Я могу оставить вещи здесь? Их не украдут? – крикнула она.

– Думаю, что эта улица уже исчерпала свою квоту преступления за год, – ответила Карита и помахала рукой полицейскому.

Анника взглянула в смутно видневшийся за стеной дождя силуэт сержанта, идущего к воротам. Она еще раз убедилась, что телефон лежит в сумке. Она уже делала им снимки, например, в Золотом зале после Нобелевского убийства.

Снимки получаются неважные, но для публикации вполне пригодные.

– Анника, ты идешь? – крикнула Карита.

Она подбежала к переводчице в тот момент, когда полицейский отпирал створки ворот.

– *I'm sorry*, – сказал он на ломаном английском и официально протянул Аннике руку.

Она кивнула и вытерла с лица дождевую воду.

Бассейн перед домом был просто огромен. Влажные скамьи из темного дерева от воды казались черными. Очертания усадьбы терялись за сплошной пеленой низвергавшегося с неба водопада.

– Это стена, где они подключились, – сказал полицейский и показал разбитую дверь на террасу.

– Мне переводить? – спросила Карита.

– Я понимаю по-английски, – ответила Анника.

Они вошли в дом, и полицейский закрыл за ними дверь. Наступившая тишина казалась такой же плотной, как дождь. На мгновение Аннике стало трудно дышать.

– Газ? – спросила она, поспешно повернувшись к полицейскому. – Его здесь уже нет?

– Уже давно нет, – ответил он.

Они стояли в большом холле, потолок которого находился, видимо, на уровне крыши – высота его была метров шесть, если не больше. Две лестницы по обе стороны холла вели на второй этаж. С середины потолка свисала громадная кованая люстра. Пол из плит белоснеж-

ного мрамора казался пустым и холодным как лед. В стенах были ниши с копиями античных скульптур.

Анника никак не могла отделаться от ощущения, что ей нечем дышать. Воздух был сырым и затхлым.

– С чего мы начнем? – спросил полицейский, и Анника вздрогнула от неожиданности.

Она порылась в сумке и вытащила одну из старых игрушек Эллен. Это была маленькая желтая собачка, которую Эллен выиграла в лотерею, как обычно во время посещений развлекательного центра «Зеленая роща».

– Моя дочь с радостью подарила бы эту игрушку Мю.

– У вас есть дочь? – спросил полицейский.

– Она ровесница Лео, – ответила Анника.

Полицейский повел их на мраморную лестницу.

Анника старалась не отставать от него, Карита шла в паре шагов от Анники. По дому тянуло сквозняком, видимо, где-то было открыто окно. Она не стала спрашивать еще раз, но ей все время казалось, что из дома улетучился не весь газ.

Вдоль второго этажа тянулся коридор, двери из которого вели в несколько залов. Дождь оглушительно стучал по кирпичным стенам. Полицейский повернул налево. Шаги гулко отдавались от каменного пола. По обе стороны коридора были две двери, заканчивался он третьей, двустворчатой дверью.

Полицейский указал на нее рукой.

– Там нашли детей, – сказал он.

Аннике стало душно, она судорожно глотнула воздух открытым ртом.

Там, наверное, была родительская спальня, подумала она, призвав на помощь свою рассудительность.

– Да, здесь жила девочка, хотя вы и сами это знаете, – сказал полицейский и открыл первую дверь по левую сторону коридора.

Анника застыла на пороге.

Комната оказалась довольно маленькой. Стены были выкрашены в розовый и золотистый цвет. Двойные двери вели на балкон, откуда открывался вид на бассейн, а дальше, за дождем, угадывались контуры поля для гольфа. В углу стоял детский письменный стол на изогнутых ножках. На столе лежали карандаши, акварельные краски, бумага для рисования. Остался стоять здесь и стакан с темной водой, куда девочка макала кисточку. В другом углу стояла неубранная кровать. Она осталась такой же, какой была, когда девочка выбралась из нее, разбуженная газовой сигнализацией.

Анника судорожно кашлянула, вошла в комнату и направилась к кровати, в изножье которой лежала кукла с курчавыми каштановыми волосами. Присев на корточки возле кровати, Анника взяла в руку куклу.

– *Creo que la senora quiere estar sola*, – сказала Карита полицейскому, и Анника ее поняла.

«Думаю, что сеньора хочет остаться одна».

Полицейский закрыл дверь за ее спиной. В комнате наступила мертвая тишина. Было слышно лишь, как дождь стучит по мраморным плитам террасы.

Анника достала из сумки телефон, направила его на кровать, сфокусировала на смятом белье и нажала спуск. Потом она подошла к рисункам на столе.

На рисунке была изображена девочка, едущая верхом на коричневой лошади. С неба на зеленую траву светило солнце, девочка и лошадь смеялись. К глазам Анники подступили слезы. Чтобы не расплакаться, она до боли прикусила губу. У стола она сделала еще несколько снимков. Потом положила телефон в сумку, немного поколебалась, оглянулась на дверь, взяла со стола рисунок и тоже положила в сумку. Подойдя к кровати, она положила желтую собачку на подушку и пошла к двери. Постояла на пороге несколько секунд, вглядываясь в комнату, а

потом вышла в коридор. Она закрыла дверь, и при этом тихо звякнула табличка на ней: «Здесь живет Мю».

Карита и полицейский ушли в родительскую спальню, откуда доносились их приглушенные голоса. Двойная дверь была приоткрыта, и серый дневной свет проникал из щели в коридор.

Анника поспешно вытащила телефон и дрожащими руками сфотографировала дверь, возле которой были найдены мертвыми дети и их мама.

Она медленно пошла по коридору, пряча в сумку телефон. На следующей двери тоже висела табличка: «Здесь живет Лео». Она порылась в сумке и нашла модель гоночного автомобиля Калле. Открыв дверь, вошла в комнату мальчика.

Там царил хаос.

Кровать была не убрана, так же как и в комнате девочки. Анника почти физически чувствовала тепло детской кроватки, ее запах, влажность простынок. На полу была свалена одежда, разбросаны машинки, динозавры и одна пушка. Большая полка была забита спортивным инвентарем, теннисными ракетками, мячами для гольфа и бейсбольными перчатками.

На зеленом письменном столе стояла тарелка с недоеденным сыром и стакан шоколадного молока. Края сыра затвердели и потемнели. На шоколаде образовалась пленка.

Хватая воздух открытым ртом, Анника вытащила телефон и принялась снимать: кроватку, шоколадное молоко и мишку на полу.

– *Senora?*

В дверях стоял полицейский. Анника резко обернулась, держа в одной руке телефон, а в другой машинку Калле.

Она с трудом сглотнула.

– Это для Лео, – сказала она и положила машинку на подушку.

Она вышла из комнаты, повернула налево и, не оглядываясь, вошла в родительскую спальню.

Эта комната была в несколько раз больше каждой из детских комнат. У правой стены стоял массивный, классический британский письменный стол. Анника машинально окинула глазами стену и увидела вентиляционное отверстие.

– Сеньора, я вынужден вас немного поторопить. Все же идет расследование. Вы не хотите перед уходом посмотреть комнату большой девочки?

Большой девочки?

Она обернулась к полицейскому и кивнула.

Мужчина рукой показал Аннике, что она может выйти в коридор.

– Только один момент, – сказала Анника и провела рукой по лбу.

– Конечно, конечно, – сказал полицейский и первым вышел в коридор.

Анника огляделась. Кровать была очень большая, с массивными двухметровыми столбами черного дерева. Простыни, которыми хозяин дома пытался заткнуть отверстие, лежали не на полу. Полицейские положили их на высокий матрас.

Здесь они спали последнюю ночь в своей жизни, здесь они были разбужены воем сигнализации, здесь они умерли, не успев спасти своих детей...

Она сфотографировала кровать, потом направила телефон на письменный стол так, чтобы в поле снимка попало и вентиляционное отверстие, и дважды нажала спуск.

После этого она выскользнула в коридор. Полицейский тщательно закрыл за ней дверь. Вместе они спустились по лестнице. Карита ждала их у выхода на террасу.

– Одну минуту, – сказал полицейский и пошел направо в холл.

Они прошли через кухню, оформленную в деревенском стиле, с огромным деревянным столом в центре и темными полками, уставленными расписными керамическими статуэтками.

Полицейский остановился у двери рядом с входом на кухню. На двери висела табличка: «Здесь живет Сюзетта».

«Кто такая Сюзетта?» – подумала Анника, но спросить об этом вслух сейчас не могла.

– Это комната Сюзетты? – спросила она вместо этого. – Ее не было здесь, когда все это случилось?

Полицейский открыл дверь, и Анника вошла в комнату девочки-подростка. Кровать была аккуратно заправлена. Компьютер, такой же, как у Анники, стоял на письменном столе. К двери с внутренней стороны была прикреплена афиша Бритни Спирс.

Полицейский озабоченно посмотрел на часы.

– Сеньора, – сказал он, – я вынужден попросить вас уйти.

Анника кивнула.

– Спасибо за все, – сказала она и быстро вышла на кухню.

Когда они шли по большому холлу, она мельком заглянула в другие комнаты – салон, убранный мебелью из черного дерева, и библиотеку, уставленную книжными полками.

Анника с Каритой вышли на террасу.

Шквал резко прекратился, оставив после себя удушливые испарения и ручьи бегущей по камням воды.

Они не спеша вышли на улицу, дошли до ворот и покинули виллу. Полицейский закрыл за ними ворота.

– Ты все сделала, что хотела? – спросила Карита.

Анника прислонилась к машине и зажмурилась.

– У тебя просто дар убеждения, – сказала она. – Как тебе это удалось?

– Я думаю отнести этот дар на счет непредвиденных расходов, – сказала переводчица, удивленно посмотрев на ничего не понимающую Аннику. – Уж не думаешь ли ты, что он пустил нас, потому что мы такие редкие гости, а он такой добрый?

«Я действительно безнадежно наивна», – подумала Анника.

– Этот визит обошелся нам в сто евро, – сказала Карита. – И то это только благодаря тому, что ты была безутешной скорбящей подругой. Корреспондента он бы не пустил сюда ни под каким видом и ни за какие деньги. Эту разницу никто из шведов не понимает. Конечно, «Квельспрессен» могло бы купить пропуск, но возможности издательства ограничены. Куда мы теперь?

– Ты знаешь, кто такая Сюзетта? – спросила Анника.

Переводчица покачала головой.

– Сюзетта? Кто это?

– В доме есть комната девочки-подростка, на двери которой написано: «Здесь живет Сюзетта»... Постой, постой, вчера кто-то говорил о Сюзетте. Да, это была женщина, которая состояла в образовательной ассоциации вместе с Вероникой.

– Еще один ребенок? – спросила Карита и немного побледнела.

– С этим надо будет разобраться, – сказала Анника и открыла дверцу машины. – Как нам вернуться в отель?

Анника швырнула на пол зонт, закинула сумку на кровать, положила куртку на пол и почти бегом кинулась к компьютеру. Дрожащими руками она зашла на сайт конкурирующей газеты. До ухода из отеля она не успела посмотреть, есть ли в газете сведения о газовом убийстве или о ней и Халениусе. Теперь здесь было и то и другое, причем на первых полосах.

Сначала шли новости о газовом убийстве, и Анника поняла, что своя рубашка ближе к телу, и она все же начала со своей персоны и персоны статс-секретаря.

Фотография оказалась хуже, чем она думала. Изображение было размытым из-за темноты и плохой фокусировки. Однако в свете, падавшем из двери ресторана, было видно, что

это она, Анника Бенгтзон. Волосы блеснули на ветру и водопадом падали на плечи. Действительно, было похоже, что Халениус изо всех сил прижимает ее к себе и что-то шепчет ей прямо на ухо. Было, правда, непонятно, целует он ее в щеку или шепчет на ушко какие-то нежности.

Заголовок был кричащим: «Известная журналистка и популярный социалист хорошо провели вечер в ресторане».

Ну что ж, по крайней мере, ее назвали известной журналисткой, и на том спасибо.

Она уселась поудобнее и принялась читать подписи и преамбулы.

«Шюман: «Я полностью доверяю ей».

Корреспондент отдела криминальной хроники «Квель-спрессен» Анника Бенгтзон что-то праздновала вчера вечером с ближайшим сотрудником министра юстиции.

– Они пили вино и открыто целовались, – сообщает наш источник».

Она выпрямила спину. Что это еще за базарный треп?

Где-то у кровати зазвонил мобильный телефон. Она оглянулась, посмотрела на сумку и поколебалась – читать дальше или ответить?

В конце концов она решила ответить и принялась рыться в сумке. Вытащив телефон, мельком посмотрела на дисплей.

– Алло, – сказала она очаровательно воркующим голосом.

– Я видел фотографии, – сказал Томас.

– Правда? – спросила Анника.

– Ты сделала это только для того, чтобы меня смутить?

Брови Анники взлетели вверх от удивления.

– Томас, неужели? – воскликнула она. – Неужели ты ревнуешь?

– К твоему сведению, Халениус – это один из моих шефов. Ты что, не понимаешь, в какое положение меня ставишь? Представляешь, что теперь начнут болтать? Люди будут указывать на меня пальцами и перешептываться.

Кокетливое настроение испарилось как по мановению волшебной палочки.

– Это *ты* говоришь о том, что я тебя подставила?

Томас возмущенно фыркнул.

– Ты когда-нибудь думаешь о ком-то, кроме себя?

От гнева ей стало трудно говорить.

– Это все твое проклятое лицемерие! Ты бросил меня и детей в горящем доме и убежал к своей чертовой п...де. Я уже полгода живу, как бездомная, несправедливо обвиненная в умышленном поджоге. Я едва не потеряла детей, потому что это ты пытался их у меня отнять, а теперь ты корчишь из себя обиженного. Меня уже *тошнит* от тебя.

Она хотела, как обычно, нажать клавишу отбоя, но передумала.

Вместо этого продолжала прижимать трубку к уху, быстро и поверхностно дыша.

– Анника?

Она кашлянула.

– Да, я тебя слушаю.

– Как ты можешь так говорить? Как ты можешь говорить, что я бросил тебя в горящем доме?

– Но ты это сделал.

– Это несправедливо. Я ушел к Софии после того, как мы с тобой поссорились, а когда я вернулся, дом уже сгорел. Кто говорил, что ты его подожгла? Я не знал, что ты справишься, что дети живы...

– Думай, что это навсегда останется твоим грехом, – сказала она. – Бедный Томас.

Он тяжело вздохнул:

– Ты всегда выставляла дело так, будто это только моя вина.

– Ты мне изменял, – сказала Анника. – Я видела вас. Я видела вас у торгового центра. Ты обнимал ее, целовался с ней, вы болтали и смеялись.

Теперь надолго замолчал Томас.

– Когда это было? – спросил он наконец.

– Прошлой осенью, – ответила она. – Я стояла на противоположной стороне улицы с обоими детьми, я купила резиновые сапожки Калле, мы шли домой и.

Она, неожиданно для самой себя, расплакалась. Слезы текли из глаз, и она ничего не могла с ними поделать, они струились между пальцами, капали на телефон.

– Прости, – произнесла она, когда рыдания стихли.

– Почему ты ничего мне не сказала? – тихо спросил он.

– Не знаю, – прошептала она. – Я очень боялась, что ты уйдешь.

Тишина в трубке сочилась удивлением.

– Но ты же сама меня выгнала. Ты перестала со мной разговаривать, я не мог до тебя достучаться.

– Я знаю, – согласилась она. – Прости.

Они снова надолго замолчали.

– Такое теперь время, – сказал он.

Она рассмеялась и смахнула последние слезы.

– Я знаю.

– Дети говорят, что у тебя новая квартира, – сказал Томас. – У тебя проживание с правом на жилье?

Она поискала в сумке бумажный носовой платок.

– Я не купила ее за наличные. Она досталась мне на время по связям.

– Тебе помог твой новый приятель Халениус или нет?

Она едва не вспылила, но сдержалась.

– Нет, – ответила она. – Халениус тут ни при чем. Фотография в газете – это полнейшее недоразумение и бред. Мы встретились вечером, и он поделился со мной сведениями... которые нужны мне по работе. Прощаясь, мы поцеловались в обе щеки по-испански, потому что на следующий день мне надо было лететь в Испанию. Я не пила вина, и ты же сам знаешь, как я не люблю шумные вечеринки.

– За что только не хватаются журналисты, – сказал он.

Салфеткой она стерла с лица растекшуюся тушь.

– Все это, как мне кажется, глупость и ерунда, – сказала она. – Хотя для Халениуса это может обернуться чем-то худшим, чем для меня.

– Там сказано, что он должен был в тот вечер дежурить в министерстве.

– Я еще не прочитала статью, – сказала Анника. – Что касается Джимми Халениуса, то он сам признавался, что не слишком ревностно относится к своим служебным обязанностям, так что это не моя головная боль. Скорее твоя.

Они оба рассмеялись, рассмеялись обоюдно и одновременно, что немало удивило Аннику.

Потом Томас вздохнул.

– Попробуй угадать, каких колкостей я наслушаюсь в понедельник, – сказал он.

– В этом ты будешь не одинок, – заметила Анника.

Они снова рассмеялись. Потом наступила тишина.

– Можно мне прийти с детьми к тебе в воскресенье? Заодно посмотрю твою новую квартиру.

Ничего подобного он ей раньше не предлагал. Он всегда говорил, что допоздна работает в отделе в Старом городе, где она случайно прожила полгода.

– Там особенно не на что смотреть, – сказала Анника. – Я даже не успела распаковать все вещи.

– Где она находится?

– На Агнегатан, дом 28.

– Но... это же...

– Да, это там же, где была наша старая квартира.

Они снова помолчали.

– Как дети? – спросила Анника.

– Хорошо. Мы гуляем в парке, они играют в догонялки. Хочешь с ними поговорить?

Она на мгновение задумалась.

– Нет, – сказала она. – Пусть играют.

– Давай договоримся, что я приду к шести часам в воскресенье?

Они распрощались, и Анника еще некоторое время стояла посреди комнаты с телефоном в руке.

Потом она опустилась на кровать, залезла под одеяло. Камень, который все последнее время давил ей на грудь, стал как будто легче. И края у него были уже не такие острые. Сейчас она немного понежится в кровати, ну совсем чуть-чуть, ну еще немножко.

Она рывком стряхнула с себя сон и встала.

Надо же прочесть, что написали о ней конкуренты.

Она выпрямила спину и солидно откашлялась, словно ей предстояло сейчас отвечать на выпады.

– От Бо Свенссона, – прочла она вслух.

Чертова обезьяна.

«По будним дням репортер Анника Бенгтзон лихо критикует шведские власти и правительство, – гласило начало статьи. – Сегодня мы имеем возможность разоблачить ее и показать, что в своих отношениях с властью она заходит еще дальше. Позавчера вечером ее видели в ресторане «Железо» в стокгольмском Старом городе с правой рукой министра юстиции, статс-секретарем и социал-демократом Джимми Халениусом.

На снимке видно, как целуется и обнимается эта сладкая парочка.

Но в «Квельспрессен» доверяют и такому репортеру.

– Да, я полностью полагаюсь на ее суждения, – говорит главный редактор Андерс Шюман.

– Пострадала ли в ваших глазах репутация Анники Бенгтзон?

– Абсолютно нет.

Находятся, однако, и критики, не согласные с такой оценкой.

«Аника Бенгтзон перешла границы дозволенного, целуясь со своим источником», – пишет политический обозреватель Арне Польсон.

Как повлияет этот случай на доверие к Аннике Бенгтзон как к критику власти?

– Понятно, что он подорвет это доверие...»

На этом месте ей пришлось встать и немного размяться.

Кто такой этот Арне Польсон, чтобы сидеть и критиковать ее? Разрекламированный, но совершенно заурядный журналист, которого подают чуть ли не как гуру по вопросам этики и морали. Поцелуйте меня в задницу!

Она вернулась к компьютеру.

«В министерстве юстиции, где Джимми Халениус занимает один из самых высоких постов, считают, что ничего ужасного в публикации фотографии нет.

– Политики и журналисты регулярно контактируют друг с другом, это не новость, – заявил пресс-секретарь министра юстиции.

Должен ли был Джимми Халениус в тот вечер дежурить, в министерстве не комментируют.

Анника Бенгтзон, сославшись на закон о защите источников, от высказываний воздержалась».

Она отодвинула компьютер и встала, чувствуя, как бьется в груди сердце.

Как это неприятно – читать о себе в третьем лице! Сама она как человек ничего особенного собой не представляет. Она стала лишь символом, битой, которую вставили в сконструированную действительность, не соответствующую никакой реальности.

Она понимала, насколько бессильна она перед неразборчивыми газетными обобщениями. Не играло никакой роли, было ли сказанное правдивым или важным, единственно важным было решение газеты, ее мировоззрение, отредактированная истина.

Она взялась за компьютер и подавила желание отбросить его в сторону.

Потом села, трижды глубоко вдохнула, протерла глаза и решила взглянуть на статью профессионально.

Она прочитала ее еще раз.

Это был и в самом деле плохой текст.

Конечно, все такие статьи пишутся согласно определенным правилам жанра, но эта отличалась невероятной стереотипностью. У Боссе были большие проблемы с формулировками и выражением мыслей.

Аннике стало стыдно за свою первую реакцию, нельзя журналистке поддаваться эмоциям по поводу таких глупостей.

Но не пишет ли и она сама подобное? Не смотрит ли в своих статьях на людей свысока?

Несомненно, она это делает, причем, наверное, ежедневно.

Была ли у нее альтернатива? Она начала считать себя точкой отсчета журналистского мастерства? Не стала ли она считать единственно верной свою точку зрения, поиск названий и фотографий, не стала ли она просто нерассуждающим повествователем?

Она прошла по комнате, отгоняя эти неприятные мысли.

Снова села за компьютер и пролиستала домашнюю страницу конкурентов, чтобы посмотреть, что они пишут о газовом убийстве. Репортажи писала их мадридский корреспондент, элегантная дама пятидесяти лет, которая, разумеется, в совершенстве владела испанским. Газета опубликовала снимки дома, но уже в сумерках и под другим ракурсом. Фотограф был испанцем. Таким образом, работала команда, и они опередили Аннику на один день.

В статье были приведены те же факты, что Анника выяснила у Никласа Линде, но конкуренты воспользовались источниками в испанской полиции.

Кроме того, команда конкурентов посетила гольф-клуб «Лос-Наранхос» и поговорила там со скорбящими шведами. Репортеры конкурентов приводили практически такие же цитаты, как и она сама после посещения «Ла-Гаррапаты».

Между нею и мадридскими спецами не было особой разницы.

Это было бы большим облегчением, если бы не удар ниже пояса.

Снова зазвонил мобильный, на этот раз громче, чем в первый раз. Она подождала, пока телефон позвонит дважды, и только потом взяла его в руку, посмотрела на дисплей и тяжело вздохнула.

– Здравствуй, Патрик, – сказала она.

– Гольф-клуб скорбит! – закричал в трубку Патрик. – Теннисный клуб тоже. Посмотри, может быть, ты найдешь старых хоккейных звезд, пусть они устроят минуту молчания где-нибудь на фоне зелени. Собственно, зачем нам ограничиваться хоккейными звездами? Пойдут любые спортсмены.

– У меня немного иной взгляд на это, – сказала Анника. – Я сделала снимки снаружи и внутри дома, сняла те места, где приняли смерть члены семьи. Мы можем найти еще одну девочку, члена семьи, которая осталась жива. Я должна смотреть на это дело шире.

– Звезды спорта – это намного лучше. Проследи, чтобы у них были скорбные лица.

Анника закрыла глаза.

– У меня нет фотографа, – сказала она.

– Но у тебя же есть камера! Позвони, когда перешлешь фотографии. Да, кстати, что это ты завела привычку обниматься по ночам со статс-секретарями?

Пожалуй, он зашел слишком далеко.

Она уронила телефон на пол.

Это было неумно.

Она встала и, подойдя к окну, стала смотреть на шоссе.

Да, давно она не оказывалась в такой ситуации. Став независимым репортером, она научилась избегать поручений, отражавших исключительно мировоззрение шефа отдела. Она руководствовалась своими собственными суждениями, своими взглядами, сама решала, что было верным и важным.

Однако есть разница между сотворением сущности и суждением о ней.

Если группа звезд спорта возьмет на себя инициативу почтить память коллеги минутой молчания, то долг журналистов – подстеречь этот момент и зафиксировать его, но инсценировать такое действие – это совсем другая песня.

Она вернулась к компьютеру. На домашней странице испанского телефонного справочника нашла номера теннисного клуба Себастиана Сёдерстрёма и гольф-клуба «Лос Наранхос». Записав телефоны, она позвонила в оба клуба.

Теннисный клуб уже закрылся. Аннике ответил человек, говоривший по-английски с испанским акцентом. Нет, клуб не планирует никаких траурных церемоний по случаю смерти его владельца. Да, он перезвонит ей, если будет принято иное решение.

В гольф-клубе тоже не помышляли о какой-либо церемонии в связи со смертью Себастиана, но так как он фактически был членом клуба, то сама идея показалась им неплохой. Это будет очень мощная инициатива. Завтра утром они об этом подумают...

Она прикусила губу, прежде чем отключилась.

Так она пытается приспособить действительность к своему пятиполосному таблоидному формату.

Она снова подошла к окну.

Облака висели так низко, что окутали гору толстым серым покрывалом. Плотный поток машин, извиваясь, двигался по старой имперской римской дороге.

Кому бы позвонить, чтобы что-нибудь разузнать о Сюжете?

Она спустилась в мини-бар, запаслась у уборщицы сникерсом и вместе с ним и телефоном забралась в кровать.

Кнут Гарен сразу прервал разговор. Казалось, что он стоит на берегу ревущего водного потока.

– Я в Гранаде, – сказал он. – Позвони Никласу Линде, если он там, то где-нибудь на берегу.

Она не стала спрашивать, что он делает в Гранаде, и набрала номер Линде. Он ответил после четвертого гудка.

– Сiju отдыхаю. Что-то я сегодня устал, – подавляя зевоту, признался он.

– Один короткий вопрос, – сказала Анника. – Ты что-нибудь знаешь о девушке по имени Сюжетта, которая жила на вилле Себастиана Сёдерстрёма?

– Нет, не знаю. Мне сейчас надо бежать.

Анника отключилась. Надо сказать, она чувствовала себя разочарованной.

Неужели они и в самом деле так сильно заняты или они просто не желают с ней разговаривать?

Она сняла со сникерса упаковку и села к компьютеру.

Снова вывела на экран испанский телефонный справочник.

Написала в поисковой строке имя Маргит – женщины, члена образовательной ассоциации. Она не значилась на «Белых страницах», и Анника не смогла ей позвонить.

А вот Майя-Лиза в справочнике была. Она жила в городском квартале под названием Лос-Куэर्वос в Эстепоне. Наверное, она уже спала, когда Анника ей позвонила.

– В чем дело? – хрипло произнесла Майя-Лиза, громко кашляя. – Почему ты спрашиваешь о Сюзетте?

– У нее есть комната в доме Сёдерстрёма, – объяснила Анника. – Кто она?

– Можешь немного подождать?

Не дождавшись ответа, женщина отложила трубку. Анника слышала, что она куда-то пошла, потом послышался громкий натужный кашель и следом шум спускаемой воды. Наконец женщина вернулась к телефону.

– Да, маленькая Сюзетта, – сказала пожилая дама и вздохнула. – Это дочка Себастиана от первого брака. Настоящая грозная туча. Что ты хочешь о ней знать?

– Что это за девушка? Сколько ей лет?

Майя-Лиза откашлялась.

– Время не стоит на месте, ты этого еще не поняла? С годами оно мчится все быстрее и быстрее. Сколько сейчас Сюзетте? Думаю, лет пятнадцать – шестнадцать.

– Она не была дома во время газовой атаки. Где она живет?

– Ну, полагаю, что живет она со своей матерью в Швеции.

– Значит, здесь она не живет?

– Только на каникулах. С Сюзеттой очень трудно общаться.

Анника раздраженно щелкнула шариковой ручкой. У нее была настоящая аллергия на эти обобщения относительно девочек-подростков. Про нее тоже говорили, что с ней «трудно общаться», когда она училась в Хеллерсфорнесе.

– Но почему тогда у нее в доме своя комната?

– На этом настояла Астрид. Астрид всегда за ней присматривала, я иногда думаю, что она была единственным человеком, которому эта девочка нравилась. Сюзетта звала ее бабушкой.

– Хотя Астрид ей не бабушка?

Майя-Лиза шмыгнула носом и замолчала. Когда она снова заговорила, голос ее стал слабым и ломким.

– Мне так тяжело сознавать, что ее больше нет. Почему люди могут так просто исчезать? Куда они уходят? Господи, как бы я хотела быть верующей христианкой!

Она громко высморкалась.

– Да, это ужасно – то, что случилось с Вероникой, Себастианом и с их детьми, но Астрид была мне ближе. Я ощущаю ее присутствие, она здесь, со мной, я чувствую ее тело, ее вибрацию... Подожди.

Анника услышала чавкающий звук пробки, извлекаемой из бутылки.

– За тебя, Астрид.

Сделав громкий булькающий глоток, Майя-Лиза выпила за старую дружбу.

– Значит, Сюзетта живет с матерью, – сказала Анника. – Но где именно? Ты знаешь, как зовут ее мать?

– Первая жена Себастиана была прямой, как штанга. Это терминология самого Себастиана, а не моя. Я не помню, как ее звали, но имя было каким-то очень простым. Напоминало об актрисе, которая снималась в порнофильмах в конце семидесятых. Она была кумиром гимназистов в нашем пригороде, если я не ошибаюсь. Я никогда не видела мать Сюзетты.

Майя-Лиза снова с бульканьем выпила.

– Они были официально женаты? Ты не знаешь, ее фамилия до сих пор Сёдерстрём?

– В том, что они были женаты, можешь быть уверена, – подтвердила Майя-Лиза, – да, так и запиши. Это был совершенно скандальный бракоразводный процесс. Женушка хотела

хапнуть все деньги, которые он заработал в НХЛ, но ей досталось лишь столько, на сколько он смог купить потом теннисный клуб.

– Фамилия Сюзетты – Сёдерстрём?

– Вероника точно взяла его фамилию. Она хотела иметь большую семью, много детей. И все они должны были носить одну фамилию, тогда это и в самом деле крепкая спаянная семья. Милейшая Майя-Лиза, кажется, была готова уснуть на другом конце линии.

– Я должна от всего сердца поблагодарить тебя и спросить, можно ли мне позвонить тебе еще раз, чтобы.

– Вероника так и не простила ее. Так и не простила! Никогда!

– Спасибо и до свидания, – сказала Анника и отключилась.

Немного поколебавшись, она позвонила на мобильный номер Берит.

Коллега была дома, а не в редакции.

– Я теперь работаю по расписанию, все вечера и все выходные я свободна, и так до уведомления, которое должно быть оглашено не позднее чем за две недели до изменения, – торжественно объявила Берит.

Было такое впечатление, что Берит что-то чистит.

– Но, – напомнила ей Анника, – я-то тоже свободна.

– Все происходит согласно договору, – сказала Берит, – я тебя поздравляю.

Открылся кран, и потекла вода.

– У меня теперь, по крайней мере, будет время распаковать детские игрушки.

– Не лучше ли тебе дождаться, когда дети приедут, и сделать это вместе с ними? – сказала Берит. – Иначе у тебя будет ощущение, что ты живешь в гостинице.

Анника натянула на себя покрывало.

– Я тебя поняла. Знаешь, я как-то об этом не подумала.

– Будем учиться на ошибках друг друга, – пошутила Берит. – Как твои дела?

– У тебя есть время поболтать? Я хочу посоветоваться.

Вода перестала литься.

– Конечно, есть, – ответила Берит. Было слышно, как она пододвинула стул и села.

– Я была сегодня утром на вилле погибшей семьи и сделала несколько фотографий с мобильного телефона, – сказала Анника. – Надо загрузить их в компьютер и посмотреть, что получилось. Кроме того, я нашла еще одного ребенка, девочку, которая уцелела после этого ужаса.

– Что ты говоришь? – изумилась Берит. – Как это получилось?

– Ее просто не было там, – сказала Анника, – поэтому все не так драматично, как кажется. Но с ней тоже было бы интересно поговорить. Она живет со своей матерью в Швеции.

– Это же здорово. Кто в редакции этим занимается?

– Никто, – ответила Анника. – Патрика это совершенно не интересует. Он хочет иметь фотографии скорбящих звезд спорта.

– Это ошибочное суждение, – спокойно произнесла Берит. – Конечно, он может собрать скорбящих спортивных звезд, но ребенок, который чудом избежал смерти, – это намного сильнее и важнее.

Анника облегченно выдохнула. Она и сама так думала, но было приятно услышать это от Берит.

– У тебя есть пароль? – спросила Берит.

– Да, конечно. Я поищу отсюда сама.

– Если ничего не изменится, то я теперь работаю и по пятницам, – добавила Берит. – Как у вас с погодой?

– Все время пасмурно. Тут и еще одна мелкая неприятность.

– Халениус, – догадалась Берит.

– Гм, ну да.

– Вы что, на самом деле обнимались? По фотографии очень похоже на то.

– На самом деле нет, – сказала Анника. – Это играет какую-то роль?

Берит помолчала.

– Отныне тебе будет трудно критиковать именно Джимми Халениуса, – сказала она, – но ты легко найдешь другие объекты.

– Значит, я не подорвала свою репутацию?

– Ну, может быть, немного, но и это пройдет.

– Спасибо, – тихо произнесла Анника.

– Пиши сверхурочно, – посоветовала Берит. – Тебе за это не заплатят, но зато приблизишься к совершенству.

Они попрощались.

Аннике стало теплее и легче на душе.

Она зашла на сайт infotorg.se, ввела логин и пароль и стала ждать окончания загрузки.

Журналистика расследований перестала быть опасным спортом в тот момент, когда в сети появился сайт «Инфоторг». Пользуясь абонементом газеты, Анника теперь имела доступ к самым разнообразным данным, касающимся всех шведских граждан: именам, возрасту, личному номеру, новым и старым адресам, документам на недвижимость, цвету автомобиля, кредитной истории и бог знает к чему еще. На сайте, кроме того, можно было найти сведения обо всех предприятиях, организациях и административных органах Швеции и еще четырнадцати европейских стран – об их бухгалтерских балансах, финансовом положении и платежеспособности.

Анника выбрала в меню «Персональную информацию».

Открылся формуляр для заполнения поиска в книге регистрации по месту жительства. Искать можно было либо по фамилии, либо по личному номеру. В данном случае Анника отметила опцию «Фамилии». Сёдерстрём, Сюзетта. Пол женский.

Остальные поля она оставила незаполненными.

По списку соответствий выходило, что такой человек есть, и он один во всей Швеции.

Янника Диана СЮЗЕТТА родилась шестнадцать лет назад и проживает в доме номер 77 по Лонгшеппсгатан, в Бромме, Стокгольм.

Вопрос заключался в том, чтобы узнать имя ее матери. Функцию поиска родственников стерли после событий 11 сентября 2001 года, и теперь добывать такую информацию стало намного труднее.

Анника снова набрала поиск в книге регистраций и ввела почтовый индекс Лонгшеппсгатан. После этого сделала еще одну попытку получить немного иначе оформленную информацию. Теперь она заполнила три поля: пол, почтовый индекс и фамилию Сёдерстрём.

Компьютер искал, есть ли какая-нибудь другая женщина по фамилии Сёдерстрём, которая живет в районе с тем же почтовым индексом. Если Сюзетта была зарегистрирована по тому же адресу, что и ее мать, и если фамилия матери была Сёдерстрём, то поиски можно было считать оконченными. Затрудняло поиск то, что есть девять тысяч шведов, которые по тем или иным причинам скрывают свои персональные данные или место регистрации и становятся недоступными для властей.

Прямая ссылка!

Сёдерстрём ЛЕНИТА Марика, сорока двух лет, согласно книге регистраций прописана в доме номер 77 по Лонгшеппсгатан. У нее было четыре зарегистрированных предупреждения о задолженности и отрицательное сальдо – задолженность по кредитной карте 46 392 кроны. Она не значилась сотрудником ни одной компании, не занималась частным предпринимательством и не имела в собственности транспортных средств.

Задолженности: неоплаченная лицензия на пользование телеканалами, неоплаченный налог на драгоценности, неуплата по счету за доставку из IKEA.

Анника перешла на другой сайт, где были помещены все открытые номера телефонов Швеции, адреса и фотографии соответствующих домов.

Анника заполнила строку поиска: Лени́та Сёдерстрём и ее адрес, но ссылку не получила.

Значит, либо у матери Сюетты Сёдерстрём был скрытый номер, либо prepaid мобильный телефон.

Она ввела имя и принялась искать адрес.

Лонгшеппсгатан находилась между Блэкбергом и Рокстра в западной части Стокгольма. Выбрав спутниковую карту, Анника посмотрела, как выглядел этот район. Оказалось, что он застроен преимущественно многоквартирными домами, в конце улицы преобладала смешанная застройка. Там же находился старинный дом для умалишенных Бекомберга, отметила про себя Анника, хотя почти всех сумасшедших выписали и реабилитировали для обычной жизни, с которой они теперь не знали, что делать.

Анника спустилась в мини-бар и взяла там другой шоколад – «Тублерон».

Как же ей добраться до мамы Сюетты – Лени́ты Сёдерстрём?

Может быть, она активистка какого-нибудь общества или движения? Может быть, у нее есть страничка в Сети?

Она вернулась к компьютеру и набрала имя в Гугле.

Ссылка была одна, но очень ясная.

Лени́та Сёдерстрём, Фейсбук.

Анника вошла в Фейсбук и открыла страницу, но та была на испанском языке. Слева на экране появилась фотография светловолосой женщины. Анника сменила язык и заставила страницу заговорить по-английски.

*Sign up for Facebook to connect with Lenita. Already a Member? Login!*⁸

Анника выбрала пункт «Отправить сообщение».

Выпала страница с анкетой, которую надо было заполнить.

Для того чтобы войти в контакт с Лени́той Сёдерстрём, надо было зарегистрироваться на сайте.

Да, она слышала эти легенды о Фейсбуке, слышала, что надо здорово попотеть, чтобы в нем зарегистрироваться, слышала, какого труда стоит сидение в Фейсбуке целыми днями. Люди подсчитывали, сколько у них «друзей», соревновались в их количестве и очень расстраивались, если кто-то смог их «переплюнуть». Она сама прекратила играть в эти игры, когда ей было восемь лет.

Но чем черт не шутит, подумала она и начала заполнять нужные поля.

Она написала свое имя, отметила, что работает на предприятии, записала свой день рождения, адрес электронной почты и набрала пароль. Потом поставила галочку в окошке, что прочитала условия пользовательского соглашения, чего на самом деле, конечно, не сделала, и нажала кнопку «Подписаться».

Пока все было довольно легко.

«Подтвердите ваш электронный адрес».

Так, что-то было непонятно с первого раза?

Она нажала на кнопку «Перейти в hotmail».

Там, во входящем сообщении в папку annika-bengtson@ hotmail.com, находилась ссылка, по которой надо было перейти.

В окне всплыл новый текст:

«Добро пожаловать, Анника! Ваш аккаунт создан».

⁸ Зарегистрируйтесь на Фейсбуке, чтобы связаться с Лени́той. Вы являетесь пользователем? Введите логин! (англ.)

Она нажала клавишу «Поиск друзей», записала в поле «Ленита Сёдерстрём» и получила бланк прямого сообщения матери Сюзетты.

Анника написала, кто она и что хочет пообщаться с Ленитой и Сюзеттой, и это очень важно и срочно. В конце Анника написала номер своего мобильного телефона.

Как же это сложно – связаться с нужным человеком, раздраженно подумала Анника, когда ей пришлось заполнить поле проверки безопасности, прежде чем отправить сообщение.

Затем взглянула на часы.

Если она хочет успеть перекусить до того, как гольф-клуб принесет дань скорби своему погибшему члену, ей надо поторопиться.

* * *

– Это здесь, – сказала Карита Халлинг Гонсалес. Анника проехала поворот, затормозила и остановилась возле контейнеров для стеклянного и пластикового мусора. Облака немного рассеялись, и сквозь них кое-где пробивалось солнце. Она заперла машину и посмотрела на небо.

Перед входом на стоянку гольф-клуба развевались на флагштоках четыре флага: испанский, андалузский, шведский и флаг с золотисто-красно-зеленой эмблемой на белом поле.

– Что делает здесь флаг ГАИС? – спросила Анника. Карита, прищурившись, задрала голову, но продолжала внимательно смотреться в маленькое зеркальце, которое держала в руке.

– Что делает... что? – спросила она и достала из сумочки губную помаду в золотистом пенале.

Анника ткнула пальцем в сторону флага:

– Вон тот, последний. Владелец был «макрелью»? Переводчица посмотрела на флаг и недоуменно взглянула на Аннику.

– ГАИС – это футбольный клуб в Гётеборге. Его болельщики называют себя «макрелями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.